

ЕВГЕНИЙ МАГАДЕЕВ

Слезы пасмурного неба

Евгений Магадеев
Слезы пасмурного неба

«Издательские решения»

2015

Магадеев Е. Б.

Слезы пасмурного неба / Е. Б. Магадеев — «Издательские решения», 2015

На первый взгляд, Ярослав довольно-таки зауряден; по образованию он биолог, по профессии — официант, а по призванию — бас-гитарист. Даже его девушка Лена не догадывается о второй жизни Ярослава: каждую ночь юноша переносится в мир, населенный разумными лягушками, и тут ему наконец удается почувствовать себя сильным и значимым. Уже много лет героические сновидения уравновешивают серые будни Ярослава — но будет ли это равновесие вечным?..

© Магадеев Е. Б., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
«Почтим же память Отца премудрого...»	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Слезы пасмурного неба

Евгений Борисович Магадеев

И вечный бой! Покой нам только снится...

А. Блок

© Евгений Борисович Магадеев, 2015

© Батыр Хабибуллин, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Вопреки наметившейся в последнее время тенденции день был весьма погожим. Купающаяся в лучах долгожданного Солнца зелень сияла каждой капелькой росы, напоминая собой ненастье. Пронизывая и без того палящий воздух, от земли призрачными потоками поднимался пар; он будто устремлялся к самой линии горизонта, заставляя ее причудливо извиваться.

Я шел по дороге, и мои лапы ощущали жар от каждого слияния с почвой, за многие годы огрубленной колесами повозок. Упругая набойка посоха, обыкновенно касавшаяся плодородного грунта без единого звука, тут ритмично постукивала, словно я опирался о булыжник, – но не соскальзывала, как это зачастую случалось на городских улицах.

– Эгей, монах! – окликнул меня из-за спины залиvistый тенор, исполненный простодушного деревенского панибратства. – Отличная погодка сегодня!

Приветственно скинув капюшон, я сделал шаг навстречу нагнавшему меня путнику, обличье которого вполне соответствовало голосу: задорно прищуренные глаза-бусинки, едва заметное пивное брюшко, покрытое редкими буроватыми пятнами. Наверняка местный, хотя здесь, посреди леса, едва ли вообще кто-то жил.

– Доброго дня! – произнес я, учтиво улыбаясь. – Нечасто в такой глуши найдутся охотники до прогулок.

– Тоже мне глушь, – отмахнулся путник, машинально поправляя болтающуюся между лопатками берестяную торбу. – Пара часов – и я дома. Уж лучше пройти пешком, чем искать извозчика подостойнее да подешевле. Вы, я гляжу, со мною согласны, – он весело хохотнул. – Куда держите путь?

– В Антипово, – ответил я, старательно соответствуя небрежному тону диалога. – Быть может, Вы знаете: это небольшая деревушка на реке Дуда, где еще русло сужается, – не стовариваясь, мы потихоньку двинулись дальше. – У тамошнего мельника погощу.

– Никак, по делу? Что же, в монастыре голодно стало?

– О нет, – я успокоительно улыбнулся. – Слава Второму брату, закрома полны. Это скорее визит вежливости. А Вы, я так понимаю, направляетесь на заслуженный отдых?

– Отработал неделю в городе, пора и семью навестить. Хотите муху?

– Да, пожалуйста.

Он не без труда стянул торбу с одного из массивных плеч и достал аккуратно свернутый бумажный кулек, полный аппетитных на вид мушек.

Парня звали по-простому – Иван. За тот час пути, что мы проделали вместе, он успел поведать едва ли не всю свою родословную, хотя история его жизни оказалась довольно-таки заурядной: будучи выходцем из малоимущей многодетной семьи, частично выкошенной репрессиями, Иван уже с малых лет занимался разнообразными ремеслами, однако нигде не мог осесть из-за кошмарной безработицы. Насколько я понял по сбивчивому рассказу, наиболее увлекательной ему некогда показалась резьба по дереву, – тут моего попутчика поглотили приятные воспоминания, от которых он даже мечтательно причмокивал, – но в итоге судьба завела парня в большой город и приобщила к издательскому делу; он даже достиг определенного признания на этом поприще. В ту пору многие открывали в себе неожиданные таланты: с рассеиванием политического мрака граждане внезапно ощутили, что на собственное будущее нужно как-то влиять.

Оканчивался маршрут Ивана в селе с потешным названием Резвые ключики – там его жена воспитывала двоих детей. Несложно было догадаться, что семья жила безбедно: молодое село имело славу прибежища нуворишей, по последней моде предпочитавших за умеренную плату обосноваться подальше от города, тем самым разделяя досуг и трудовые будни. Настро-

ение понятное, ведь обстановка в государстве благоволила почитателям комфорта: экономика стремительно развивалась; тени невзгод, еще недавно казавшихся извечными и необоримыми, бесследно потонули в сиянии достатка, словно давешняя слякоть, уступившая место обычному летнему зною всего за одну ночь.

На перепутье мы расставались неохотно.

– Я несказанно рад нашей встрече! – тепло изрек на прощание Иван, зажав мою лапу между своими. – В такой компании дорога – сущее удовольствие. Заболвите за меня словечко Второму брату, коли не сложно. Да Матушке за детишек.

Пообещав непременно выполнить его просьбу и пожелав легчайшего завершения пути, я припустил по обочине дороги в сторону Антипова: жара сменялась вечерним холодком, ненавязчиво напоминая, что закату несложно меня опередить.

Из-за поворота несмело показались домишки, располагавшиеся на окраине деревни, – прямо скажем, на отшибе, – а вместе с ними и Захар, явившийся по мою душу в условленный час. Устало прислонившись к изодранному плетню, он, видимо, напевал себе под нос какую-то песенку, покуда не заметил моего приближения.

– Приветствую, Захар! – издали бросил я. – Процветают ли Ваши дела?

– Монастырскими молитвами, Ярослав, – отстраняясь от забора, доброжелательно изрек он. – Мельница, слава Второму брату, мелет – и пускай не останавливается. Сильно в пути утомились?

Я перевел дух и позволил себе осмотреть единственного друга, не имеющего прямого отношения к церкви. Он не менялся с годами: поразительно тонкая талия придавала облику черты неувядающей юности; чуть раскосые глаза же будто хранили память о времени, когда каждый из нас еще не был обременен заботами, требующими зрелой пронзительности во взгляде.

– Мой путь украсила приятная беседа, – ответил я. – Между прочим, она зарекомендовала мое пребывание здесь как визит вежливости – так не удостоите ли ужина? Это было бы невероятно вежливо с Вашей стороны.

Захар негромко засмеялся и повел меня в глубину деревни, через широкий деревянный мост, из-под которого выглядывала прохладная гладь реки Дуды, относительно спокойной в это время года. Весна часто приносила в Антипово паводки, и этого бедствия жители боялись, пожалуй, более всего; даже возвращение смуты они почли бы за благо, если бы вдобавок им пообещали вечное содействие природных сил.

Мельница находилась чуть ниже по течению. Ее громадные детали величаво вращались под напором водной стихии – и в этом заключалась особая ирония: Захар был, наверное, единственным из коренных обитателей, кому в мерных потоках реки вместо угрожающей напасти виделся неиссякаемый источник жизни. Впрочем, никто не брезговал пользоваться услугами мельника, да и колодцев в окрестности не рыли, так что роптания гостили тут не слишком часто.

– Знаете, Захар, – начал я, дождавшись, когда хозяйка дома, обладательница потрясающе темного цвета зеленой кожи, столь горячо любимого южанами, накрыла на стол и удалилась почивать, освободив мужчин от присутствия лишних ушей. – Не верю я, чтобы Вы пригласили меня сюда лишь ради дани нашему знакомству. При всем уважении, разумеется.

– Любопытно, – мельник засмутился и даже отложил пирожок, от которого мгновением раньше собирался откусить. – И что навело Вас на такие мысли?.. Хотя – Вы угадали, разумеется. Я не уверен, имею ли моральное право просить об услуге, но, боюсь, положиться в этом вопросе мне больше не на кого.

Он покривил душой: мы оба согласились бы, что независимо от сути дела прав у Захара предостаточно. В далекие, но отнюдь не забытые времена этот, казалось бы, скромный ремесленник бескорыстно помогал монастырю всем, чем только мог; именно его исключительно щедрое подспорье позволило тогда прокормить около дюжины юных новобранцев, изъявивших желание прославлять имя Второго брата в надежде на его милость и снисхождение. Сам я, пребывая в ту пору далеко за пределами стен родного монастыря, ничего подобного не наблюдал, однако позже очевидцы прожужжали мне все уши, восхваляя деяния мельника-альтруиста.

– Мы многим обязаны Вам, Захар, – уверил я товарища. – Сама Матушка возлюбила бы Вас как собственного сына. Если что-то тревожит, говорите смело.

Он ошутимо замялся, но произнес довольно уверенно:

– Моей жизни угрожают. Некоторые персоны из ратуши – они выклянчивают себе долю с моей прибыли.

– А велика ли эта прибыль?

– Надо признаться, не слишком. Хотелось бы гораздо больше – да простит меня Матушка за эти слова.

– Полно Вам, Захар, однажды все мы сгинем навеки.

Под окном хижины послышалось лопотание на местном наречии, которого я не понимал, и мой собеседник поспешно захлопнул узорчатые ставни, погрузив комнату в мягкий полумрак. Его скованные движения выдавали тревогу – хотя я навряд ли угадал бы, чего больше страшится Захар: охотников до чужих секретов или божественного гнева. В конце концов, ему было свойственно принимать религиозные каноны чрезмерно близко к сердцу.

– Матушка плачет, когда мы уходим, не оставляя за собою ни следа, – отстраненно пробормотал мельник, полностью рассеяв мои сомнения. – Наши судьбы венчаются смертью – так учили проповедники, Ваши сводные братья. Боюсь, мой венец окажется постыдным.

– Конец еще не близок, Захар. Но и сейчас Матушка, взирая на Вас, не плачет, а ликует. Вы думаете, ей угодно, чтобы каждого из нас увековечивали в камне? Сохраниться в памяти немногих, искренне благодарных тебе, – вот о чем большинство не посмеет и мечтать.

– Ну если Вы так считаете... Спасибо, Ярослав, – я прочел во взгляде мельника нездоровое облегчение; его наклонности фанатика нередко пугали меня. – К слову, я могу вдохновляться Вашим же примером. То, на что Вы указываете, – благодарность от немногих – тут мы схожи, хотя мне до Вас далеко, почти как до небес. Вы, фактически, правили бы народами, если б захотели, – так почему же отказались от такой возможности? Неужели Матушке претит Ваше величие? Не пытайтесь меня в этом убедить.

Я не сразу нашелся с ответом. Помогая монастырю на протяжении смуты, Захар нечаянно узнал обо мне кое-какие подробности, которые сам я предпочел бы не афишировать. Иногда мне начинало казаться, что его разуму под силу сложить картину воедино и в итоге сорвать покровы с моего главного секрета, – но нет, это было решительно невозможно. Даже допустив мысли, соответствующие действительности, любой неповрежденный ум тотчас отбросил бы их как совершенно неправдоподобные. Да и стоило ли мне бояться разоблачения? Вряд ли оно что-то изменило бы в моей жизни.

– Некоторые эпохи лучше не воскрешать и не тормозить, – уклончиво парировал я. – Да и посудите, в кого превратила бы меня власть? Уж не в подобие ли Первого брата?

При упоминании бога-посмешища болотно-зеленые щеки Захара одобрительно вздулись. Он явно повеселел, и я поспешил вернуть его к разговору о деле.

Наступление темноты не принесло досадных неожиданностей: сообразно полуденным дарам великодушная природа расщедрилась и на приятную, мягкую ночь. Радуюсь этому обстоятельству, многие селяне без колебаний отложили сон ради лишней дюжины глотков изумительно свежего воздуха: облюбовав узенькие тропинки, пролегающие между добротными избами, повсюду слонялись парочки; откуда-то издалека слышалось непристойное залиvistое песнопение, намекавшее на изобилие пива. Импровизированному хору вторили редкие энтузиасты, а дружинники, безмерно ликовавшие оттого, что более не надо нести службу под сенью проливного дождя, вовсе не спешили унять виновников дебоша, степенно прогуливаясь поодаль.

Даже в себе я ощущал подверженность общему настроению, хоть и старался собраться с мыслями, не дававшими особого повода для торжества. Смена деревенского старейшины прошла для некоторых жителей далеко не безболезненно – чего и следовало ожидать. Я не имел чести познакомиться с тем, кого законы вынудили отказаться от полномочий из-за подкравшейся старости, – поговаривали, что родня тут же оплатила ему долгосрочное пребывание на престижном курорте, – но юношу, занявшего место ветерана, мне однажды представляли. В ту пору он только-только докарабкался до мелкого поста в канцелярии префектуры, чем невероятно гордился; примерно тогда же его уличили во взяточничестве – столь же мелком, как и сам пост. Обязательные попытки замазать эту скандальную ситуацию были близки к успеху, и даже непосредственное начальство ходатайствовало о милости префекта... но тут неожиданно появился едва заметный пушок и на его руководящем рыльце, и проблему затоптали радикально, дабы заведомо избежать огласки. Надо сказать, удаление незадачливого бюрократа на почтенное расстояние, равно как и последующие сомнительные махинации, не особенно выручили префекта: в тот же месяц его раздавила в лепешку тяжело груженная повозка. Видимо, боги решили вмешаться и устроили собственный суд.

Жил новый старейшина в паре шагов от ратуши. История умалчивала, как это вышло: то ли случайно, то ли вследствие безудержных амбиций молодого чиновника; а может, недавнее назначение попросту не стало для него сюрпризом. Так или иначе, место было на зависть удачным, хотя многие заявили бы, что начальство далеко от народа – вполне буквально. Да и огромные бревенчатые хоромы, украшенные абстрактными расписными фигурками, смотрелись на фоне традиционного архитектурного аскетизма неуместно и даже вычурно. В относительно скромном палисаднике скучал единственный охранник, облаченный в форменную, но изрядно потрепанную жилетку. Он восседал на лавочке, откинувшись на стену хозяйского дома, и лениво мусолил во рту какую-то травинку, погруженный то ли в мечты о грядущих выходных, то ли в полудрему.

– Добрейший вечер! – обратился я к нему. – Не спит ли уважаемый старейшина?

В ответ последовало невнятное мычание, вынудившее меня повториться. Перестав жевать, охранник заявил:

– Не спит, наверное. Можете сами проверить.

Изнутри жилище оказалось неудобным: от неприлично просторных комнат веяло пустотой и унынием, а тускло мерцающие свечи будто бы жадно набрасывались на каждый порыв захудалого сквозняка, поскольку другого источника свежести тут не было. Меня сопроводили в зал, имевший почти кубическую форму, и предложили подождать, указав на причудливое кресло, обитое непонятным ярко-красным материалом.

Новоиспеченный старейшина почтил меня присутствием довольно скоро. В чопорном домашнем халате он выглядел поистине респектабельно, несмотря на незрелый возраст и чрезмерно раскованную походку, неподобающую уважаемому гражданину.

– А я знаю Вас, – начал он, только переступив порог. – Вы Ярослав. Мы встречались пару лет назад на приеме у префекта. Мне тогда еще было крайне любопытно, что завлекло монаха в такое светское место.

– Просветление и свет неразделимы, уважаемый, – нарочито слащаво проговорил я и почтительно склонил голову. – К сожалению, миряне часто об этом забывают.

– Вы здесь не ради высокопарных афоризмов, не так ли? Время уже позднее, не будем растрчивать его понапрасну.

– Прошу прощения, старейшина, явиться в такой час – непозволительно нагло с моей стороны. Но, боюсь, дело не терпит отлагательства.

– Что ж, я внимаю.

Глава деревни выжидающе застыл, уперев лапы в бока. Оторвавшись от жесткого сидения кресла, я выпрямился в полный рост, и наши взгляды пересеклись на одном уровне. О да, старейшина боялся; его потуги укрыться за пренебрежительной грубостью ничего не меняли: сосредоточенная морда бесхитростно выдавала всю изнанку. Очевидно, любопытство на предмет обыкновенного монаха, зачем-то приглашенного на прием, уже удовлетворили, – это в полной мере объяснило бы трепет.

– Вы в курсе, чем я занимался раньше, – мои слова должны были излучать угрозу, и в подтверждение того, что задумка реализована успешно, скулы парня безвольно дрогнули. – Раз так, то утруждаться ненужными переговорами – совершенно безыдейно, правда? Захара нельзя трогать. Остальных – тоже, но это не моя забота. Полагаю, мысли изложены ясно и дальнейшего развития не требуют.

– Более чем ясно, – безропотно согласился старейшина, как-то сразу повеселев: похоже, его душу терзали и куда худшие предчувствия. – Вам не следует более тревожиться по этому поводу.

– Приятно, что мы так легко достигли взаимопонимания.

С одобрением улыбнувшись, я примирительно похлопал хозяина дома по плечу и направился к выходу. В последний момент он воскликнул:

– Пойдите! Вы ведь не бог, и Вас тоже можно покалечить или убить – ужели не страшно?

– Только не здесь, – отрезал я и, шумно хлопнув межкомнатными дверьми, заточил недобросовестного чиновника наедине с недосказанностью.

Каждое утро я начинал с одного и того же движения – поначалу, должно быть, осмысленно, но с годами все в большей степени машинально: едва раскроются глаза, я потрясал перед ними ладонью, дабы сонный разум убедился в обретении реальности. Цвет кожи, пусть и не самый здоровый по общепринятой мерке, однозначно не был зеленым, – а значит, я уже вышел из образа прямоходящей лягушки в мире себе подобных. Моя привычка к этой нескончаемой серии сновидений укоренилась до такой степени, что навязчивость ее не только не обременяла меня, но даже не вызывала ни малейшего беспокойства. Тем не менее надежда на понимание со стороны окружающих была утрачена давным-давно: детские рассказы и жалобы воспринимались как естественное проявление буйной фантазии; подростка, говорящего о своей недоказуемой и непроверяемой особенности, объявляли чудачком – и опасались. Я, пожалуй, вовремя бросил попытки кому-нибудь открыться, более не распространяясь о таинственной цепочке снов, неотличимых от яви в плане правдоподобности. По крайней мере, уже старшие классы школы обошлись без непрерывных насмешек и прочих аналогичных неприятностей.

Никогда я не докучал подобными бреднями также и Лене, хотя мы встречались уже два года и даже изредка заводили разговор о создании семьи. Бывало, мне хотелось поделиться

с нею своими переживаниями из чуждого мира, но каждый раз меня что-то останавливало; причиной тому – вовсе не стремление оставаться для девушки правильным и нормальным, ее мнение все равно формировали какие-то неведомые факторы. Просто так повелось.

Она лежала рядом со мною на спине, раскинув руки и ноги наподобие морской звезды; одеяло, лишь отчасти выполняя свою функцию, преимущественно волочилось по полу, застеленному ворсом пыльного ковра. Вьющиеся русые волосы беспорядочно заполняли пространство вокруг: обрамляли подушку, закрывали оголенную грудь. На щеках едва уловимо проступал утренний румянец.

Лена спала крепко, но разбудить ее труда не составляло. Осторожно поднявшись на колени, я переступил через нее за пределы кровати – послышалось недовольное бурчание, но веки так и не разомкнулись. Она продолжала спать и после того, как я оделся, почистил зубы и умял завалявшийся в холодильнике творожный сырок. Лишь у двери, шнуруя свои парадные ботинки, я боковым зрением выхватил из общей картины ухоженные босые ступни – отчего невольно вздрогнул.

– Уже уходишь? – заразительно зевая, протянула Лена.

– Пора, – гаркнул я в ответ, не придумав ничего умнее.

Она стояла в чем мать родила, прислонившись к обшарпанному дверному косяку, и внимательно наблюдала за моими приготовлениями, выжидая, когда я закончу; после – стремительно подошла и прильнула к моей груди. Я обнял ее одной рукой за ягодицы и, ощутив тепло хорошо знакомого тела, крепко прижал девушку к себе.

– Вечером увидимся? – спросила Лена с той надеждой в голосе, что никак не подразумевает возможности отказа.

– Увидимся, – неуверенно ответил я и поспешил закрепить обещание поцелуем.

На работу я еле успел: тарахтящий автобус четырежды надолго застревал посреди пробки, в иное же время двигался так неторопливо, что возникало желание выйти и подтолкнуть его сзади. В этом – и только в этом – отношении ночные смены бывали существенно приятней, особенно по будням, когда посетители заведения хоть и буянили, но не слишком.

Нацепив форменный черный фартук и связав его лямки неряшливым бантиком, я выскочил в основной зал кафе, где уже приступали к работе другие официанты. Нынче поставщики почему-то не завезли клубнику, входившую в состав доброй половины десертов, и это сулило массу неловких минут. Я произвольно перебрал в уме все те жалкие оправдания, которые мы применяли по такому поводу, и остался вполне доволен их ассортиментом.

– Алина сегодня в ударе, – прозвучал у меня над ухом раскатистый шепот бармена Кости, перевесившегося через стойку, видимо, исключительно ради этого замечания. – Ты так не умеешь.

Повинуясь его скрытому призыву, я поглядел туда, где мило щебетала с новопривывшими клиентами низенькая, но потрясающе привлекательная молодая официантка. Ее темные ухоженные волосы были собраны в пучок на затылке, а лицо, вечно сияющее по-детски искренней улыбкой, несло на себе изрядный слой косметики, что, впрочем, нисколько не мешало его очарованию.

– Ой, я бы Вам не рекомендовала блинчики с вареньем, – голосок Алины, звонкий и жизнерадостный, был исполнен дежурного сожаления. – Он почти пустой, варенья совсем мало. Возьмите лучше вот этот, со сгущенкой.

Опрятного вида парни, сидевшие за столиком, восторженно загоготали, выражая свое согласие. Наверяд ли они так сильно любили сгущенку, но то, что Алина им понравилась, не вызывало ни малейшего сомнения. По сути, она завораживала каждого здорового мужчину,

имевшего счастье лицезреть ее, благо, возможности были у многих: помимо работы в кафе, девушка также позировала для фотокалендарей и местной рекламы, где выглядела еще ослепительнее. Тем не менее профессия официантки приходилась Алине особенно по душе, и отказываться от нее в пользу карьеры модели наша дива не собиралась.

– Не спи, Слава, третий столик, – назидательно прошипела мне в ухо пухленькая Оля и в сопровождение сентенции легонько ткнула меня в бок. Будучи женой коммерческого директора, она занимала почетную должность администратора зала, то есть, по большому счету, надзидала над нами.

Схватив со стойки увесистое меню, я направился в ту сторону, где начинала располагаться бледная худенькая дамочка неопределенных лет. Повесив неказистую куртку с пятисантиметровыми блестящими застёжками на вешалку, стоявшую рядом со столиком, она деловито стягивала с себя шарф, обмотанный несколько раз вокруг шеи. Не смея отвлекать ее от этого занятия, я замер в ожидании, произнеся положенное приветствие.

– Сейчас, – она кивнула и, мимолетно взглянув на меня своими неестественно большими карими глазами, поспешно скомкала шарф и запихнула его в капюшон куртки.

Бегло осмотрев первую страницу меню, дамочка поинтересовалась:

– А бизнес-ланч у вас есть?

– Вообще-то да, но сейчас еще рано, – ответил я. – Приходите с часа до трех.

Она пошелестела разукрашенными страницами, нашла раздел «каши» и, немного поизучав картинки, выбрала рисовую. Сделав пометку на чистом листе блокнота, я принялся за оформление заказа, оставив дамочку любоваться открывавшимся из окна видом на желтеющие деревья.

Дверь кафе со скрипом затворилась – и за нею следом истошный звук издал и мой телефон. Очередное сообщение от Лены; должно быть, уже в десятый раз на дню она напоминала мне, как сильно скучает. Я усердно притворялся, что занят на работе и не слышу сигнала, отвечая лишь изредка, но на сей раз игнорировать Лену было бы глупо: она слишком хорошо знала мой график. Мерзнувшими на ветру пальцами я набрал какую-то отписку в духе «Взаимно. Через полчаса буду на месте» и стремительно зашагал к остановке общественного транспорта.

На входе в гараж я галантно пропустил запыхавшуюся Лену вперед себя. Ребята уже ждали: Андрей настраивал гитару, а Леха, открыв нам ворота, поспешил обратно за ударную установку, громыхание которой мы слышали еще на подходе.

– Привет! – заголосили с дивана, втиснутого вдоль обвешанной тематическими плакатами стены. Там, как и следовало ожидать, комфортно расположилась девушка Андрея, которую мы во избежание путаницы называли Еленой, – что вроде бы немного задевало Лену, вынужденную довольствоваться уменьшительным именем.

– Добрый вечер, Елена! – откликнулся я и бросил ей свою куртку. – Вы давно здесь?

– Мы пораньше подъехали, – ответил за нее Андрей, откладывая гитару. – Примерно час уже. Ты пока подключайся, мы пойдем покурим.

Леха последовал за товарищем, освобождая мне пространство для маневра, и я принялся за распутывание шнуров, беспорядочно змеящихся по полу. Девушки перекинулись парой реплик и затихли в разных концах дивана – они, как правило, не общались.

Я обожал то ни с чем не сравнимое чувство, когда грубые басовые струны касались моих пальцев – огрубевших им подстать. Еще ребенком я непонятными судьбами очутился на концерте в рамках какого-то городского праздника и, наблюдая за движениями человека, держащего в руках самую большую гитару, влюбился и в сам инструмент, и в ту мощь, которой безраздельно повелевал музыкант. Я поклялся себе, что однажды окажусь на его месте, – и

действительно сдержал это обещание, одно из немногих. Даже несмотря на то, что игра моя не дотягивала и до среднего уровня, та внутренняя гармония, которую она позволяла достичь, была для меня совершенной. Хотя бы за что-то я мог себя похвалить, не пребывая в образе амфибии.

Репетиция выдалась не слишком интересной: на протяжении полутора часов Андрей заставлял нас разучивать новую вещь, написанную им накануне. Ни мне, ни Лехе она, судя по всему, не понравилась. Было в этой вещи что-то отталкивающе одноцветное, безжизненное, не говоря уже о моей партии, которая включала в себя очень похожие друг на друга фрагменты, различий между которыми я не уловил, как ни пытался. Только Елена принимала на ура то, что слышала, – но в этом и не было ничего удивительного. Напротив, Лена сидела угрюмо всю репетицию, настойчиво требуя к себе внимания во время длинных пауз. Я старался не отказывать – и даже не выпускал ее из объятий, когда ребята устраивали перекур.

– Тоскливая песня, – пожаловалась она в один из таких моментов. – Совсем никакая.

– Ну подожди еще, мы вместе ее толком так и не сыграли, – урезонил я скорее себя самого. – И с вокалом будет гораздо интереснее.

Однако интереснее так и не стало. Под конец мы сыграли кое-что из старого репертуара и, как ни парадоксально, вполне довольные разошлись по домам.

– Поехали ко мне? – предложила Лена сразу, как мы покинули стены гаражного кооператива. – Оксана написала, что вернется только завтра.

Я согласился без раздумий, хотя родители не видели меня уже почти неделю.

Глава 2

О монастыре Третьего испытания обыкновенно говорили не иначе, как о жемчужине префектуры, однако туристов он почти не привлекал. По слухам, еще около века назад паломничество сюда было в моде и даже всячески приветствовалось. Ежедневно на берега монастырского озера, укрывшегося в чаще бескрайнего хвойного леса, навевались десятки и сотни верующих, – а уж по праздникам тут и вовсе нельзя было сделать шагу, не наступив на чью-нибудь походную утварь. Тем не менее на территорию самого монастыря, располагавшегося точно в геометрическом центре озера, непричастных не допускали уже тогда; в дальнейшем порядки ужесточились, и монахи прекратили всякие контакты с мирянами – что, разумеется, повлекло за собою резкое падение интереса к месту священнодействий.

На моей памяти здание монастыря ни разу не перестраивали, ведь оно и так сочетало в себе наилучшие качества: неприступность, умопомрачительную красоту, величие. Помню, еще лягушонком – во снах едва ли не пятилетнего человеческого ребенка – я любил забираться на вершины башенок, венчавших углы строгого квадрата нашей обители, откуда часами вглядывался в покачивающиеся вдаль верхушки елей. Наверное, их покой нарушали скачущие по ветвям животные, ибо зеркальная гладь озера, отделявшего меня от леса, всегда была удивительно безмятежна. Потом я спускался в коробку открытого внутреннего двора, где вечно что-то затевалось: дабы порадовать Матушку, монахи посвящали саморазвитию каждую секунду своего времени. Конечно, феерического успеха добивался не каждый, но всех объединяло неудержимое стремление к совершенству. Тут рождались выдающиеся живописцы, шедевры которых выставляли крупнейшие галереи мира; из этих же стен выходили искусные воины, способные в одиночку переломить ход любого сражения. Кроме того, монахи не позволяли себе забывать и о прямых обязанностях – высоком долге богослужения.

Передвигаясь по узкому каменному мосту, представлявшему собой единственное сообщение между монастырем и внешним миром, я в очередной раз изумился его протяженности: переход занимал никак не меньше трех минут, а если не торопиться, то и все восемь. И пускай наяву мне приходилось видеть мосты и подлиннее, но они почему-то не поражали воображение до такой степени – быть может, из-за пропорционально нешуточной ширины. Добравшись до конца, я оказался у единственной металлической двери, облагороженной чеканным орнаментом, по привычке навалился на нее всем весом – более простого способа так никто и не нашел – и наконец-то протиснулся в переднюю комнату родного дома.

Картина, открывшаяся моему взору, была вполне себе привычной, но что-то все же настораживало. Далеко не сразу я нашупал источник сомнений – абсолютную, звенящую тишину. Не то чтобы стены монастыря обыкновенно ходили ходуном от несносного гвалта – вовсе нет; и тем не менее раньше отовсюду доносились какие-то едва уловимые шуршания, скрипы и прочие малозаметные звуки, вместе указывавшие на обитаемость этого здания. Сегодня же оно было мертво.

На первое тело я натолкнулся случайно. Изуродованная тушка юного монаха Георгия, отвечавшего за пополнение провианта, лежала на полу, перегоравшая проход во внутренний двор, и я нечаянно наступил на голову товарища, и без того размозженную чем-то массивным. С этого момента я уже был готов ко всему, что ожидало меня внутри. Население монастыря как будто истребили; убийца не знал милости даже к молодняку, прибывшему сюда на попечение лишь пару месяцев назад. Погибель, однако, не застала монашескую братию врасплох: половина трупов, разбросанных по разным концам сооружения, держала в ныне безвольных лапах оружие, так и не вкусившее плоти врага. Оттого ситуация представлялась еще более пугающей: хорошо подготовленные монахи не выстояли в бою против неожиданного соперника – хотя у меня никоим образом не возникло впечатления, что за стены проникла целая армия.

Следовало бы серьезно напрячься, но я не боялся угроз этого мнимого мира и потому даже не поежился.

В отличие от большинства человеческих религий, местная вера полностью исключала надежду на продолжение жизни после смерти. Здесь тело усопшего не считали чем-то сакральным и воспринимали его как самый обыкновенный неодушевленный предмет, ничем не выдающийся по сравнению с камнем. Также отсутствовала концепция души: вместо этого каждый верующий – а лягушек-атеистов, пожалуй, никогда и не было – старался отметиться в истории какими-то громкими делами, за чем неустанно следила Матушка, почитаемая как божество. Тем самым ритуал погребения лишался всякого смысла, поскольку начисто исчезали всякие мистические потребности вроде упокоения души или ее отделения от брэнной оболочки. Следуя традиции, я попросту сгреб монашеские останки в кучу возле помойной ямы – дальше мусорщики разберутся – после чего сел на одну из деревянных лавок, расставленных во дворе, и попытался собраться с мыслями.

– Печально, не правда ли?

Я вздрогнул. Маловероятно, чтобы у нарушителя моего одиночества были дружеские намерения.

– Напротив, можно только порадоваться за товарищей, так и не запятнавших себя перед Матушкой, – по возможности уверенно ответил я, осторожно поворачивая голову. Внушительную фигуру незнакомца обволакивала длинная ряса наподобие моей, однако несколько более темного материала; по краям ее красовалась незамысловатая вышивка золотистой нитью. – Учитывая, что я обшарил тут каждый уголок и нигде на Вас не напоролся, предположительно, Вы шпионите за мною с самого моста.

– Отчего же? – незнакомец усмехнулся. – Существенно дольше, Ярослав, существенно дольше. Но Вам, конечно, любопытно, отчего Вы по-прежнему живы, хотя обстановка не слишком располагающая. Видите ли, мы хотим попросить Вас о помощи. Скажем так, о поддержке.

– Что ж, тогда Вы избрали довольно сомнительный способ добиться расположения собеседника, – я указал на кучу тел, начинавшую постепенно расплзаться. – Да и куда больше меня волнует, зачем Вы, собственно, убили моих товарищей?

– Позвольте объяснить, – он подошел поближе, так что мне стали заметны странные символы, начертанные на его запястье. – Ваши товарищи – да и Вы, по большому счету – не вполне честны с нашими достопочтенными гражданами. Это ересь – а таковую надо искоренять. Но, впрочем, Вас некоторым образом оправдывает не лучшее знание предмета – этакая непредумышленная ересь.

– Вы, судя по всему, представляете какую-то секту.

– О нет, уважаемый Ярослав, секту представляете именно Вы. Простой пример: не приходилось ли Вам задумываться, отчего якобы верховного бога называют именно Вторым братом?

– Общеизвестно, что у Матушки двое сыновей, и младший из них – резонно Второй.

– Забавно. И во многих ли семьях такое принято – два ребенка по номерам? Почему не величать его просто Младшим? Это же гораздо логичней.

– Зато унизительно. Да, он родился позже. Но разве возраст определяет личные качества?

– Отнюдь. И потому наши предки предпочли навесить на него цифру «два» – куда как менее унизительно! – он выдержал театральную паузу, предлагая мне поразмыслить над его доводами. – Простейшее объяснение не всегда самое верное, но, боюсь, к этому случаю банальности вполне применимы. Дайте же ответ: когда одного из братьев зовут не младшим, а вторым?

– Очевидно, когда он не является младшим, – по удовлетворенной реакции незнакомца мне стало ясно, что слова мои попали в точку. – Намекаете, что братьев было больше?

– Безусловно! И, заметьте, Вы сами пришли к этому выводу. Их также заведомо больше трех: иначе второго брата звали бы средним.

– И сколько же их по-Вашему было?

– Пятеро. И лишь пятый достоин нашего внимания.

– Младший? А еще двое?

– Посмешища – как и тот, кого Вы называете Первым – опять же не Старшим. Церковь поклоняется не тому богу, Ярослав.

– Это громкое заявление. Но мне вот интересно – а что же Вам понадобилось от меня?

– Ходят упорные слухи, – хотя я, конечно, не могу настаивать на их состоятельности, – что Вы, уважаемый, некогда возглавляли инквизицию. Не спорьте – пока просто предположим. Если это так, то Ваше слово должно иметь определенный и вполне соответствующий нашим намерениям вес. И это очень пригодилось бы, ведь мы, как несложно заметить, хороши только в войне с еретиками, – а хотелось бы иметь их на своей стороне. Понимаете?

– Не слишком ли высоко Вы метите – кем бы Вы ни были? Кроме того, странно – с чего бы я стал Вам помогать? Гораздо правильной было бы просто убить Вас, отомстив за товарищей.

– Мы тоже не лыком шиты, Ярослав, – мой собеседник поклонился, и этот жест остался для меня не вполне понятным. – Давайте обойдемся без обоюдных угроз и вообще до поры до времени разойдемся. Пожалуйста, подумайте над услышанным – я скоро Вас найду.

На этой ноте он развернулся и ровной походкой направился к выходу из монастыря. Я не стал его задерживать.

«Почтим же память Отца премудрого...»

Почтим же память Отца премудрого,
Павшего жертвою лет божественных,
Нас сотворившего себе по подобию,
Мира нашего лик создавшего.
Память его почтим уважительно,
Как завещала любимая Матушка.
Дар его чудный должен наследовать
Из сыновей наиболее праведный.
Кто же достоин из братьев божественных?
Каждый из них не встречал себе равного.
Слово берет мудрая Матушка,
Честь и хвалу воздавая усопшему:
«Сравниться должны вы с Отцом, нас покинувшим.
Над смертным победу одержит каждый.
Почета немного в такой победе:
Бренная плоть подвержена страху.
Смерти всякий на свете боится.
Одолеете друг друга – и будет награда!»
Так сыновьям своим говорила
Матушка, праведных дел соглядатай.
Сказано – сделано! Их ожидает
Суровое бремя Трех испытаний.
Молвит она: «Испытание первое
Будет нетрудным. Должные почести
Воздам я тому, кто высокие горы
Местами между собой поменяет».
Пришел Первый брат, брови нахмуря,
К подножию грозной горы-исполины.
Твердыню сдвинуть не получается,
Стихия напору не поддается.
Смехом, не славою Первого брата
Все одарили. Второй – наготове
Зеркало держит, и в нем отражаются
Горы, левая кажется правой.
Матушка молвит: «Теперь одолейте
Потоки воды в состязанье неравном.
Бурной реки усмирите течение,
Для гордости повод пожалуйте матери».
Пришел Первый брат, брови нахмуря,
К бурной реке. Во втором испытании
Успехов не больше: вода утекает
Сквозь пальцы, и силой ее не направишь.
Снова смеялись над братом бесстыдно,
Поступки его вызывали веселье.
Что же Второй? Разжигает он пламя,

И скоро река до дна высыхает.
Молвила Матушка: «Время настало
Для самого сложного из испытаний.
Полно же вам укрощать стихии!
Заставьте смертных себе поклоняться».
Пришел Первый брат, брови нахмуря,
В город, где смертные бед не знали.
Разрушил дома, ожидая отчаянья, —
Люди бесстрашно построили новые.
Так и остался для всех он посмешищем.
Вот и черед брата Второго.
Дал он смертным хлеба и зрелищ —
Те в благодарность его воспели.

Отложив в сторону выдавший виды молитвенник, я откинулся на спинку сиденья. Его мягкая набивка скрывала то неприятное обстоятельство, что у брички, несшей меня в Антипово, отродясь не было рессор, но я не имел права на нелепые капризы. Природа по-прежнему радовала благодатью, и кучер, получивший от меня щедрое вознаграждение за спешку, щурился под ласковыми лучами Солнца, недавно покинувшего зенит.

Перечитанный мною только что отрывок представлял собой один из основных религиозных текстов, закладывающих фундамент местной веры. Его публично зачитывали во время всех праздничных служб, и большинству священнослужителей полагалось знать это писание наизусть; я, разумеется, не знал, хотя учил когда-то. Сказочная манера повествования, на первый взгляд немного абсурдная, была вполне характерна вообще для всех записанных молитв, и это, как ни странно, лишь помогло распространению религии в ту далекую пору, когда ей еще приходилось искать себе место среди бесчисленного множества прочих культов. Народу нравилось иметь дело с божествами, наделенными вполне понятным и обыденным поведением, пусть им и приписывались невероятные силы и бессмертие. Впрочем, как раз последнее вовсе не казалось таким уж неоспоримым: Отец, очевидно, все же умер, хотя нигде не говорилось, как ему это удалось. Вера на то и нужна, чтобы не задавать лишних вопросов.

Незнакомец, нанесший удар по монастырю, безусловно, был в чем-то прав: текст о Трех испытаниях под определенным углом изучения оказывался довольно-таки странным. Особенно цепляла слух, казалось бы, безобидная фраза «Каждый из них не встречал себе равных». «Каждый»? Если их двое, то не правильной ли было бы сказать «оба»? Конечно, это не ложилось в ритм, в угоду которому белый стих позволял себе немало допущений. Кроме того, я не владел языком оригинала, так что подобные детали могли быть лишь следствием вольностей перевода. С другой стороны, неизвестные толмачи не поленились скрупулезно воссоздать фонетическую специфику строки «Пришел Первый брат, брови нахмуря» — так неужели им было чуждо искусство стилистики? Определенно, стих выглядел так, будто часть его строф пошла под нож, и в исходном варианте братьев могла быть и дюжина. Даже концовка в одночасье перестала удовлетворять меня, и за словами «Те в благодарность его воспели», которые, как мне раньше казалось, подводили жирную линию итога под рассказом, я начал усматривать возможное продолжение...

Почему-то именно в этот миг, будучи поглощенным рассуждениями, я внезапно осознал простую и невероятно болезненную истину: мне никогда больше не увидеть тех, с кем я рос. Большинство моих товарищей погибли в этот день от руки сектанта, общение с которым про-

будило во мне не злобу, а искреннее любопытство. Это было странно: во сне эмоции меркли. Будучи лишь плодом моего сознания, жители монастыря все же стали мне почти родными – как я мог не горевать об этой утрате? Память тут же подкинула обрывки прошлого. Вот Василий, мой ровесник и верный друг, полощет лапы в священной воде монастырского озера; а вот настоятель Михаил журит его за эту проказу, с огромным трудом скрывая предательскую улыбку... С каждым из них была связана какая-то история, и я припомнил многое из того, чему был свидетелем, а еще больше – того, в чем был непосредственным участником. Часть моей жизни, пусть и вымышленной, ушла навсегда, и я не имел права на холодное безразличие. Тем не менее оно все же одерживало во мне верх, низводя стенания по погибшим друзьям до уровня безыдейности, будто они были героями досмотренного мною фильма.

Часто я жалел, что этот странный мир – лишь блеклая тень моего унылого существования в слабом и ничем не выдающемся человеческом обличье. Часто – но только не сегодня.

Бричка спускалась по пологому склону на дно глубокого оврага, когда путь нам преградили двое дружинников необычайно хмурого вида. Один из них грозно вскинул лапу, недвусмысленно требуя остановиться, и мой извозчик, тихо выругавшись, сбавил ход.

– Кто такие? Куда едем? – грубо осведомился второй, окинув меня подозрительным взглядом.

– Для начала было бы недурственно представиться, – заворчал в ответ кучер. – И будьте любезны объяснить, по какому праву вы нас останавливаете.

– В деревне беда, нам велено всех проверить.

– Позвольте, – вмешался я. – Где именно беда? В Антипове?

– Там, где ж еще, – хмыкнул дружинник, прежде молчавший. – Мельника убили.

Я был морально готов к этой весте. Собственно, весь смысл моего путешествия был именно в том, чтобы понять роль Захара в последних событиях. Я не особенно верил, что его приглашение накануне трагедии могло быть чистой случайностью, но о связи оставалось лишь догадываться. Неужели мельник, помогавший монастырю и при гораздо более тяжелых обстоятельствах, согласился способствовать его краху под напором чьих-то угроз? Или то было его сознательное и добровольное решение? Вряд ли. Возможно, Захар и вовсе не был ни в чем замешан, став жертвой неудачного выбора времени для встречи со мной. К несчастью, роковой незнакомец не преминул позаботиться о том, чтобы покров этой тайны уже нельзя было сорвать, вместе с тем перерезав единственную нить, которая могла бы вывести меня на его след.

Нет, не единственную. Вспомнив символы, покрывавшие запястье незнакомца, я немного воспрянул духом: зацепка все же имелась. Надо было во что бы то ни стало подготовиться к следующей встрече с ним, хотя бы знать, насколько популярно его мировоззрение.

– Поехали назад, – повелел я извозчику. – Больше там делать нечего.

– Куда Вы собрались? – запротестовали дружинники в один голос. – Давайте-ка спускайтесь, будем разбираться.

Нехотя я прыгнул на землю, сделав кучеру жест не беспокоиться и ничего не предпринимать.

– Как видите, я монах. Имя мое – Ярослав. Мне неизвестна причина, по которой Вы задерживаете направляющихся в Антипово, хотя было бы разумнее ожидать, что возможный убийца предпочтет как раз-таки ринуться прочь и в обозримом будущем в этом месте не появляться. Но в данном случае вам повезло: не далее как вчера я имел счастье разговаривать с усопшим. Тем не менее я не располагаю информацией, которая могла бы вам хоть как-то помочь.

– Вы понимаете, уважаемый Ярослав, что мы не можем отпустить вас до выяснения всех обстоятельств?

– Да, конечно, – покорно согласился я. – Но все же я просил бы Вас позволить мне удалиться и вернуться несколько позже.

– Так не получится, – покачал головой тот из дружинников, что остановил бричку. – Придется Вам с нами в деревню ехать.

Я не стал спорить, хотя прекрасно понимал, что целый вечер будет бездарно потерян за бесцельными уклончивыми разговорами. Дружине не следовало знать ни о моем недавнем знакомстве с убийцей, ни тем более о том, что по его воле случилось в монастыре. То был вызов, брошенный мне одному, и я собирался принять его с высоко поднятой головой – по крайней мере, не привлекая тех, от кого вреда наверняка больше, чем пользы.

Лена сидела на табурете, подложив под себя ноги, и периодически прикладывалась к огромной аляповатой кружке, полной обжигающе горячего чая. Сегодня ей не суждено было поспать подольше, поскольку занятия начинались с первой пары, и я разбудил ее сразу, как зазвонил будильник. Лицо ее, как это обычно и бывало по утрам, решительно ничего не выражало, хотя Лена и пыталась напустить на себя вид той задумчивости, глубина которой исключает всякую возможность адекватной реакции на внешние раздражители. Я и не пытался заговорить с ней, пребывая в странном отчуждении после ночных кошмаров; поставив на подоконник свою кружку, также большую и нелепую, я ожидал, когда ее содержимое остынет. Отсюда, с высоты восьмого этажа, открывался великолепный вид на скудное убранство самого обыкновенного двора, слегка окрашенного утренней дымкой. В очередной раз я не сдержал улыбки, взглянув на стену трансформаторной будки: на темном фоне краснокирпичной кладки гордо выделялся тщательно выведенный мелом лозунг «Слава Руси!», а ниже него имелась корявая приписка из трех букв, составлявших всем известное нецензурное слово. Чему было обязано его крайне неуместное появление на этой стене, я не осмеливался даже предположить, но умилялся раз от разу.

– Вспомнил что-то смешное? – спросила Лена, уловив движение краешков моего рта. – Расскажешь?

Я неопределенно покачал головой, и она снова ушла в себя, осторожно глотнув из кружки, которую сжимала теперь обеими руками.

– Как ты не обжигаяешься? – поинтересовался я.

– Мне холодно. Я замерзла ночью. Не люблю осень.

– Надо пеленать тебя перед сном в одеяло – как ребенка. Чтобы не сбрасывала на пол.

– Я не сбрасываю, оно само сползает.

– Да неважно, – отмахнулся я и, обойдя стол, приобнял ее сзади за плечи. – До сессии не так уж и много осталось, тебе нельзя простывать.

Лена, как некогда и я, училась на биологическом факультете, где мы, собственно, и познакомились. В тот момент на меня уже начинали вплотную насаждать по поводу предстоящей дипломной работы, а Лена пребывала в счастливом неведении беспечного студента-первокурсника. Наблюдать за подобными ей было одним удовольствием, и наша небольшая мальчишеская группа никогда им не пренебрегала. Зачастую мы намеренно приходили коротать время в перерывах между парами именно к аудиториям, занимаемым первокурсниками, – и рано или поздно достигали своей потаенной цели. Завязать разговор с еще зелеными и оттого опасливыми девушками бывало нелегко, но число попыток почти ничем не ограничивалось, так что мы справлялись как нельзя лучше.

Касаясь шеи и хрупких плеч Лены, я ощущал, что она действительно замерзла, и мне стало немного не по себе, будто в том была исключительно моя непризнанная вина. Усилив объятия, я попытался растереть ее жаждающее тепла тело через длинную футболку, служившую девушке единственной одеждой; под ней мне были видны аккуратные розовые груди, соблазнительно движущиеся в такт моим движениям, и я, не в силах противиться своим желаниям, смело запустил руку под ворот футболки.

– Кажется, согреваюсь, – прошептала Лена, и ее слова прозвучали прерывисто из-за резко учатившегося дыхания. Повернув голову, она потянулась к моим губам, и я ответил ей долгим поцелуем.

– Успеем? – спросил я на всякий случай, ненавязчиво отстранившись. Девушка выпалила «да», не взглянув на часы, и я мощным рывком развернул ее к себе лицом, подхватив за уже разгоряченные ягодицы, и усадил на стол, попутно задрав футболку выше уровня сосков, где ее подхватила уже сама Лена, отбросив куда-то в сторону холодильника.

После полудня зарядил дождь, и редкие посетители, входя в уютный тамбур кафе, первым делом закрывали свои роскошные зонты и дули на ладони в надежде согреться. Им, как и следовало ожидать, не приходило в голову, что коврик, лежавший у входа, преследовал не только декоративные цели, так что в зале было откровенно грязно: пол покрывали размазанные черные следы, и робкие попытки Оли повозить по нему тряпкой лишь усугубляли это положение.

По понятным причинам именно сегодня особой популярностью пользовалась акция заведения «второй грог бесплатно» – о ней возвещал огромный разноцветный транспарант над барной стойкой. Тут и там за столиками можно было услышать диалог наподобие «Но я же за рулем» – «Да ничего, до вечера выветрится», и решение оказывалось непременно в пользу алкоголя. Новенький бармен справлялся со своими обязанностями существенно хуже Кости, пребывавшего дома в ожидании ночной смены, и грог удавался на славу далеко не каждый раз. Однажды мне даже пришлось выслушать суровый упрек от тучного мужчины, который, как и большинство наших постоянных посетителей, работал в одном из окрестных офисных зданий.

– Кислый! – пожаловался он. – Тогда уж лучше б водки.

Я принес извинения, хотя, разумеется, от меня в этом вопросе ничего не зависело.

Примерно в полвторого, когда ливень за окном уже напоминал небольшой шторм, в кафе вошла давешняя бледная дамочка. Капюшон куртки, служившей ей единственным укрытием от непогоды, выручал лишь отчасти: спутавшиеся каштановые волосы собрались на лбу в отдельные мокрые космы, тушь нещадно растеклась по лицу. Тем не менее посетительница не выглядела расстроенной – напротив, ее неловкая улыбка выдавала то странное счастье, которое испытывают от незначительных невзгод люди, утомленные однообразием быта. А может, она просто любила дождь.

– Добрый день! – поприветствовал я дамочку нейтральным тоном, стараясь ничем не намекать на неряшливость ее облика. – Сегодня Вы как раз вовремя, могу предложить бизнес-ланч.

– Спасибо, – немного отрешенно отреагировала она и, проведя кончиками пальцев под глазами, стала разглядывать ламинированный листок, шедший в придачу к основному меню. Потом огляделась вокруг и поинтересовалась, где здесь туалет.

К моменту, когда я принес вазочку с греческим салатом и крохотный чайник, дамочка уже полностью привела себя в порядок. Теперь она сидела, немного сгорбившись, над какой-то книгой в мягком переплете, прижимая ее к столу правой рукой. Завидев меня, она отвлек-

лась на мимолетную улыбку и убрала книгу со стола, дабы не мешать сервировке. Глянув на обложку, я невольно ухмыльнулся.

– Вы читаете «Хроники Нарнии»?

– Как видите, читаю, – удивленно подтвердила посетительница. – Думаете, я слишком стара для этого?

По задорному блеску в ее глазах я понял, что она не только не оскорбилась, но и, в сущности, вовсе не была стара, хотя в ее шутке была изрядная доля истины: еще пару минут назад я не рискнул бы предположить, достигла ли моя собеседница сорока. На самом деле ей и тридцати-то явно не было.

– А разве это детская книга? – возразил я, раскладывая столовые приборы, завернутые в бумажные салфетки.

– Говорят, это сказка. Я вот уже вторую книгу читаю – чувствую себя дурой.

– Я осилил только первую. Больше не хочу.

– Почему? Скучно?

– До ужаса, – подтвердил я и встал подле стола, намекая, что мне пора идти.

– А я и не знала, что официанты читают, – бросила она как бы невзначай, и глаза ее сощурились в наигранном презрении.

– У меня и высшее образование есть, между прочим, – небрежно заметил я, поддерживая саркастические интонации дамочки. В ответ она многозначительно кивнула, будто бы выказывая свое глубочайшее одобрение.

– Всегда приятно, когда тебе приносят чай такие образованные люди.

Я не сдержал искреннюю усмешку, но, ощутив на себе ехидный взгляд ее темных глаз, немного смутился и поспешил к барной стойке, где меня уже дожидался добротный бокал с разноцветным коктейлем, увенчанный долькой лайма и парой соломинок.

Глава 3

Последние дни словно поменяли местами сон и явь: еще недавно я сокрушался, глядя на затянутое тучами небо, которое грозно нависало над префектурой, изливая холодные потоки на головы досадующих граждан. И вот ливни ушли, переместились в реальный мир, но забрали с собой чувство острого интереса к происходящему, всегда радовавшее меня во сне. Что-то менялось – и там, и тут. Я ощущал это, впервые за долгое время засыпая в собственной постели, и удивлялся не столько трагическим событиям, каковых я повидал на своем веку немало, сколько появлению чего-то нового, жизнеутверждающего там, где ему, казалось, неоткуда было взяться.

Пробуждение в облике лягушки не вызвало во мне отчаянья: я точно знал, как следует вести себя дальше. Подтачивало же меня полнейшее непонимание конечной цели, к которой следовало стремиться. Рано или поздно наказание настигнет секту, принесшую беду в монастырь, бывший мне домом, забудутся товарищи – но что дальше? Я всегда был одинок в этом мире, однако лишь теперь осознавал, что и одиночество имеет меру, которую лучше не превышать. Оставалось тешить себя надеждой, что собственный разум не ввергнет меня в пучину бессмысленных скитаний, суливших мне превращение в одного из тех стариков, что с охотой рассказывают недоверчивым слушателям о своем героическом прошлом.

Вдова мельника Агафья, несмотря на траур, оказала мне потрясающе радушный прием. Стоило мне выйти из гостевой спальни, она тут же пригласила меня на чай с крендельками, после чего собрала кушаний в дорогу. Равно как и представителей закона, я не стал посвящать Агафью в подробности давешних событий: возможно, она уцелела лишь чудом, и обременять ее опасными знаниями было бы довольно глупо. Пообещав сурово отомстить за смерть Захара, я покинул мельницу и отправился на главную площадь Антипова, где всегда можно было застать свободного извозчика.

К обеду мы уже добрались до Белого камня – престольного града Южной префектуры, неприветливый вид которого крайне плохо сочетался с воодушевляющим названием. Угодные властям историки потчевали народ легендой, согласно которой на месте города некогда располагалась грандиозная крепость – разумеется, белокаменная, – но в это сложно было поверить, поскольку даже самые древние междоусобицы обходили стороной как эти места, так и вообще всю префектуру: тут попросту никто не жил. Гораздо более вероятной мне представлялась версия, озвученная в приватной беседе потомком одного из первых префектов. Он утверждал, что десяток унылых однотипных строений, помимо которых в городе, по сути, ничего и не было, возвели на пустом месте вдали от обжитых территорий целенаправленно, желая тем самым отделить правящую верхушку от челяди. Если это действительно было так, то задумка оправдала себя на все сто: редкий житель, пребывая в здравом уме, решил бы посетить Белый камень без особой на то причины.

У меня подобная причина имелась – и далеко не впервые. Государство никак не регламентировало свое отношение к религии, но чтило ее весьма высоко; по этой причине все церковное руководство традиционно размещалось как можно ближе к светскому, и это немудрое правило выполнялось на всех уровнях от престольного града Центральной префектуры до самых скромных поселков. Так и на окраине Белого камня проживал местный Владыка, с которым я хоть и не состоял в дружбе, но имел весьма регулярное общение. Как и большинство сановников, он уважал и даже немного побаивался меня из-за давно покинутого мною поста, но не видел во мне даже равного, никогда не оставляя напыщенного тона ментора.

В тот самый момент, когда моя коляска остановилась рядом с воротами резиденции Владыки, ее обитатели в полном составе готовились к обеденной трапезе, неспешно располагаясь

за помпезным овальным столом, занимавшим большую часть пространства веранды. Завидев мое приближение, помощник Владыки Николай вскочил со стула и бросился навстречу.

– Главный инквизитор, какая честь! – торжественно воскликнул он, но я лишь поморщился в ответ.

– Оставьте, Николай, столько лет прошло.

– Для нас Вы всегда тот, кем и были, – парировал он и жестом пригласил меня проследовать за стол.

Владыке следовало отдать должное: в противоположность многим представителям высшего духовенства он не имел страсти к роскоши, хотя жил вполне-таки комфортно, никоим образом не опускаясь до аскезы, каковая, впрочем, и не предписывалась Матушкой. Яства за столом выглядели аппетитно, но без лишних изысков; тут были свежие овощи, грибы в сметане, мясо наподобие солонины, порезанное тоненькими, почти прозрачными на просвет кусочками. В центре же стояла глубокая плошка с вареным картофелем, кувшин смородиновой настойки и, конечно же, блюдечко деликатесных мух – единственного гастрономического диссонанса моих снов.

– Пожалуйте, пожалуйста! – пробасил сидевший во главе стола Владыка, и его широкие губы растянулись в потешной улыбке. – Вам, Ярослав, приглашение не требуется, Вам у нас рады всегда. Извольте откусать.

– Спасибо, Владыка Иннокентий, с превеликим удовольствием, – я опустился на стул напротив него, прислонив походную тросточку к вычурной дубовой столешнице, и прислуживавшие мальчишки тут же подали мне миску с обжигающе горячей похлебкой. – Мне хотелось бы сказать, что и я рад снова видеть Вас, но, боюсь, для радости это не лучший день.

– Отчего же? – нахмурился Николай, занимавший место подле Владыки. Он единственный из присутствующих, большей частью мне не знакомых, был облачен в парадную мантию, и она изрядно мешала ему: длинный рукав попадал то в миску, то в чашку, полную настойки. – Неужели Вы принесли печальные вести?

– К сожалению, это так. Вчера на монастырь Третьего испытания было совершено нападение. Жители пали.

– А настоятель? – встрепенулся Иннокентий.

– И он. Все пали.

Владыка выглядел так, будто в его безмятежный мир теплых красок внезапно вторглась непроглядная синева. Ошеломленный вестью, Иннокентий, вероятно, пытался понять, как это вообще могло случиться, ведь покушение на здоровье священнослужителя во все времена считалось одним из наиболее скверных и тяжких преступлений. Ко всему прочему оно представлялось вопиюще бессмысленным: набожные граждане справедливо почитали деятельность храмов и монастырей за проявление одного из высших благ.

– Вы видели тех, кто это сделал? – наконец произнес Владыка.

– Видел. И отчасти именно потому я здесь. Вы позволите? – я покопался в походной сумке, где все еще лежали остатки пирогов Агафьи, и достал со дна пишущие принадлежности, которые всегда носил с собой. Маленькая девочка, приходившаяся, видимо, дочерью кому-то из обитавших в доме Иннокентия чинов, привстала из-за стола и с наивным любопытством воззрилась на диковинную чернильницу, доставшуюся мне в подарок от заморских гостей, что посетили наш монастырь пару лет назад. Я подмигнул девочке, и она, смутившись, начала суетливо приглаживать оборки своего платья с бантами.

Взрослые наблюдали за моими действиями с не меньшим интересом. Покуда я щепетильно выводил тусклыми, давно требовавшими замены чернилами мудреные вензеля, увиденные мною на шкуре таинственного сектанта, окружающие не проронили ни слова, хотя до того не переставали перешептываться – очевидно, спеша выдвинуть свои предположения о подоплеке преступления. Закончив изображение, я передал его Владыке с извинениями как за

скромные художественные таланты, так и за возможные неточности рисунка, связанные с тем, что я не так уж и долго видел оригинал. Тому, однако, вполне хватило увиденного; он внезапно переменялся в морде и обратился к окружающим:

– Оставьте нас, пожалуйста, уважаемые господ!

– Но, Владыка, куда же мы пойдем? – удивился Николай. – Обед в самом разгаре.

– Позже дотрапезничаете, – осадил его Иннокентий тоном, не терпящим возражений. – Уважьте старика, погуляйте где-нибудь подальше.

– Разумно ли это, Владыка? – выразил я свои сомнения, когда публика, стараясь не источать недовольство, покинула веранду и скрылась в неизвестном направлении. – Теперь господ будут считать, что у Вас от них тайны.

– Ради Матушки, пускай считают, – отмахнулся он. – Не стоит им видеть то, что я собираюсь показать Вам.

С этими словами Иннокентий закатал рукав рясы; на дряблом оголенном плече его красовались уже знакомые мне символы, и я обнаружил, что мое изображение и впрямь изобиловало ошибками, лишь отдаленно повторяя желаемое. Тем не менее многие черты были хорошо узнаваемыми, что подтверждалось той уверенностью, с которой Владыка продемонстрировал мне собственное клеймо.

– Видите? – произнес он, водя старческими желто-зелеными пальцами по причудливым изгибам линий. – Это стилизованные буквы «Т» и «В» – «тени войны». Так помечали контуженых, дабы людям неповадно было с нами общаться.

Я понимающе кивнул. Юные годы Иннокентия пришлось на тяжелый период шестилетней войны с Капотинном – государством, занимавшим узкий, но удивительно протяженный клочок суши, полностью отрезавший нас от моря. Изнурительные попытки забрать эти берега силой так ни к чему и не привели, если не считать полного разорения Северной префектуры, непосредственно граничившей с Капотинном, – ну и, разумеется, бесчисленных потерь с обеих сторон. Мирное соглашение было заключено на позорных – а в чем-то даже грабительских – условиях для пяти префектур, составлявших родную Долийскую империю, позже по велению моды переименованную в конфедерацию.

– Как биться перестали – так мы уже и не знали, чем себя занять, – продолжал Иннокентий, возвращая рукав рясы на прежний уровень. – На войне-то все было понятно: говорят «иди» – идешь, говорят «стой» – стоишь. А тут... право слово, и не разберешься. Неровен час – попадешь в передрагу, так никто и слушать не станет. Хоть в острог не сажали – клеймо ставили.

– И чем же Вы, Владыка, провинились?

– Да я все бродил по городам, искал, чем бы на хлеб заработать. Устроился в кабак полы мести – ну и прочий порядок наводить. Переусердствовал однажды.

– А как же Вы потом в церковь попали?

– Да куда ж еще идти? – криво усмехнулся он и, потупившись, отхлебнул настойки прямо из деревянного черпака.

– Выходит, и убийца воевал в Капотине, – поспешил я отвлечь Иннокентия от нахлынувших на него неприятных воспоминаний. – Я видел такие же знаки на его запястье. Вот только он не показался мне... простите, старым.

– Должно быть, годы пощадили. Второй брат милостив оказался, пожаловал молодость... Так Вы говорите, один вояка совладал с целым монастырем?

– Выходит, что так. И, к слову о Втором брате, – знакома ли Вам ересь, согласно которой братьев было более двух?

– Славные вопросы Вы задаете, Ярослав: кому бы рассуждать о ересь – инквизитору или обыкновенному старому священнику? Увольте, уважаемый, тут я Вам не ровня.

– И все же я пришел к Вам за советами, Владыка. Кем бы ни был наш недруг, он силен и весьма неглуп. О таком надо бы знать досконально – однако ни военное прошлое, ни особенная ересь нам не помогут, насколько я теперь могу судить.

– Все верно. Теней по свету ходит немало, а уж кому какая блажь голову занимает – и вовсе не угадаешь, – Иннокентий пожал плечами с таким умиротворенным видом, будто мы обсуждали не насущную проблему, а выдуманный нами же самими шахматный этюд. Тут, однако, его взор обрел прежнюю озабоченность, и он твердо добавил: – Мы должны позаботиться, чтобы впредь подобное не могло повториться. Я буду ходатайствовать перед префектом о выделении охраны для наших монастырей.

– Я не думаю, уважаемый Владыка, что такие меры действительно необходимы. Этому сектанту был нужен я. Он желает заручиться моей поддержкой в распространении своего учения. Кроме того, он намекал, что не одинок.

– И Вы, Ярослав, полагаете, что эти господа пошли на столь дерзкое преступление единственно с целью обратить на себя Ваше внимание? Мне неприятно говорить об этом, но Вы несколько переоцениваете собственную важность. Если некто намерен насадить новое учение, то для него вполне естественно для начала избавиться от сторонников действующего порядка – Вы не находите?

Владыка был прав. Тяжкие думы о том, что гибель товарищей всецело, хоть и косвенно связана с моей репутацией, не имели под собой глубокого основания. Разумеется, монастыри и сами по себе стали бы помехой на пути любой секты: каждый их житель не только посмеялся бы над крамольными идеями, но и призвал бы к этому послушных мирян. Если так – еще на четыре монастыря префектуры ложилась мрачная тень неожиданной угрозы. Хуже всего было то, что их опустошение могло уже и свершиться, но этими сомнениями Иннокентия не следовало тревожить – довольно было и того, что вся его паства в одночасье превратилась из громогласного восклицания в крайне зыбкий вопрос.

Намерениям Владыки не суждено было претвориться в жизнь. Пригласив недовольных домохозяев обратно к столу, он подозвал к себе молодого помощника, служившего писарем, и втолковал ему, какого рода послание следует доставить в дом префекта.

– Непременно подчеркивай, что дело срочное, – увещевал юношу Иннокентий. – А будут спрашивать, чего хотим, – отвечай, что тебе это неизвестно. Даже не соврешь.

Тот послушно поклонился и рьяно убежал по поручению, но отсутствовал он недолго: еще не успел опустеть самовар, поданный по окончании основной трапезы, как писарь явился перед нами и доложил, что префект отсутствует.

– Вот окаянный, – возмутился Николай, которого к тому моменту успели ввести в курс дела. – Снова поди по бабам поехал.

Иннокентию ничего не оставалось, как умерить амбиции и вместо армии разослать по монастырям гонцов, каковых следовало ожидать назад с вестями не ранее, чем к заходу Солнца. Желая как-то занять себя до их возвращения, я наведалься в церковную библиотеку, располагавшуюся неподалеку, и, с определенным трудом добившись разрешения вынести пару книг за стены заведения, отправился в рощу – единственное место культурного отдыха в Белом камне. Слово в пику главенствующей архитектурной задумке, роцца была организована на удивление уютно: между тремя фонтанами, два из которых, правда, не работали, пролегали мощенные крупной галькой дорожки, предназначавшиеся для прогулок уставших за день чиновников. Вдоль дорожек стояли деревянные скамейки, намертво врытые в плотную почву – будто у кого-то могла возникнуть мысль унести их отсюда без разрешения.

Пришел я удачно: в это время дня роща была безлюдной, и только две дамы средних лет расхаживали вокруг работающего фонтана, весело переговариваясь между собой. Я расположился на скамеечке по возможности дальше от них и погрузился в изучение грузных церковных томиков, из которых надеялся почерпнуть хоть какие-то намеки на существование Пятого брата или связанной с ним ереси. Первая книга была посвящена апокрифам – но ничего нового в себе не несла. Прочитав главы, повествующие о бесчисленных житиях Отца, я мельком просмотрел ту часть, где говорилось о писании некоего монаха Евдокима, жившего около четырех веков назад и осуждавшего поклонение Матушке и Второму брату: он настаивал на том, что исключительно память усопшего творца по праву достойна упоминания, в то время как молитвы его никчемной родне – отвратительное кощунство. Евдоким, однако, не считал необходимым приводить аргументы в пользу своей точки зрения, всецело полагаясь на слепое согласие со стороны соратников. Его, конечно, не последовало, и незадачливого монаха благополучно забыли сразу после того, как он умер от чахотки. Книга содержала примеры и более удачной религиозной демагогии, но к настоящим событиям они никак не относились.

Второй томик являл собой обширнейший трактат об истории появления официальных церковных текстов, но содержал настолько пространные рассуждения, что я был вынужден закрыть его раньше, чем дошел до интересующего меня текста о Трех испытаниях. В конце концов, мне хватало здравого смысла, чтобы не верить рассказам о древних менестрелях, якобы живших при дворе Отца и его семейства, а после – то ли сосланных, то ли направленных сюда с просветительской миссией. Не то чтобы у меня было объяснение получше – напротив, я даже не мог себе представить, каким образом смертные могли бы разведать мельчайшие детали биографии богов без их собственного вмешательства. Но менестрели не упоминались более ни в одном из известных мне источников, да и эта книга деликатно уходила от объяснений, откуда эти персонажи взялись и куда потом делись.

На очереди был потрепанный фолиант, имевший воистину исполинский формат при относительно скромной толщине, но прежде, чем я успел раскрыть его, на обитую тонким слоем металла обложку пала тень, и я обнаружил, что замеченные мною ранее дамы приблизились и теперь выжидали удачного момента, чтобы отвлечь меня от дел. Я намеренно не стал реагировать, надеясь, что они разочаруются и уйдут восвояси, но вскоре одна из них обратилась ко мне, прошлепав своими лягушачьими губами что-то нечленораздельное. Поначалу я не сообразил, что дама заговорила на национальном языке префектуры, и вознамерился переспросить, однако вовремя опомнился. Мне часто приходилось слышать этот далеко не самый благозвучный диалект общепринятого долийского: многие южане считали своим долгом общаться между собой именно на нем, хотя родным он был, пожалуй, только для старожилых самых глухих деревень, названия которых также сохраняли черты самобытности. В их речи я не узнавал ни единого слова и даже не мог убедить себя в родственности наших языков, несмотря на то, что, по уверениям лингвистов, они имели общее происхождение и были крайне близки. Усиленно скрывая раздражение, я попросил даму говорить на долийском – если она, конечно, желает быть понятой.

– Пожалуйста, извините, – наконец последовала внятная речь. – Я не думала, что Вы приезжий.

– И были правы, – буркнул я, но в подробности вдаваться не стал. – Прошу простить мою резкость, но Вы очень обяжете меня, если перейдете к сути. Полагаю, Вас привело ко мне не только праздное любопытство?

– О, отнюдь! Видите ли, дело в моей подруге, но сама она стесняется с Вами заговорить, – при этих словах стоявшая позади дама смущенно отвернулась, будто притворяясь, что говорит вовсе не о ней. – И это не странно: у нее проблема этического характера. Мы подумали, что ей нужно поделиться со священником.

– Я признателен за такое доверие, но в чем, собственно, эта проблема состоит?

– Видите ли, – все же проямлила виновница беседы. – Я позволила себе... неподобающую раскованность в отношении постороннего мужчины, понимаете?

– Изменили мужу? – уточнил я. Она неуверенно кивнула и снова завертела головой по сторонам, абстрагируясь от шекотливой темы. – Вероятно, он обо всем узнал и теперь затаил на Вас обиду? Злится?

– Но я раскаялась! Как ему это объяснить?

– Что ж, для начала попробуйте объяснить это мне. Если бы Матушка не проявляла почтения и верности своему супругу, то как бы он уверился в себе настолько, чтобы создать нас по своему подобию? Нет, он думал бы о том бесславном положении, в котором оказался, и лишь искал бы из него выход. Вдумайтесь – наш мир навсегда остался бы безжизненным! И, быть может, ровно так же, подорвав доверие мужа, Вы обрекли на нерождение целую цивилизацию – смогли бы Вы это объяснить?

– Но... неужели все так... А как же мне теперь быть?

– Вспомните назидание Матушки: «Летопись ваша – бумажная книга, скучною будет – читать не станут»...

– «Лучшие книги читают вечно, лучшие книги не забывают», – подхватила моя собеседница, и вышло это очень кстати: я не был уверен в концовке цитируемого фрагмента. – Я все знаю, Матушку надо радовать поступками. Но могу ли я вырвать несколько страниц из своей книги? Как мне искупить вину?

– Вырвите страницы – и никто уже не пожелает прочесть то, что осталось: какова цена повести, из которой изъяли середину? Пусть лучше середина эта будет дурна, но славное завершение повести навсегда запечатлеет ее в Вашем уме.

– Вы хотите сказать, что мне теперь надо вести себя хорошо – и все забудется?

– Ничто не забудется. Но оно может быть уже не так важно, если впереди многие годы почета, уважения и поддержки, что Вы окажете супругу, с которым имели неосторожность обойтись столь неприятным образом. Будет счастлив он, будут помнить о Вас окружающие, будет довольна Матушка.

Просияв, дама окатила меня приторным потоком благодарностей и пообещала неуклонно следовать полученному совету. Глядя, как подруги степенно зашагали к выходу из рощи, весьма одухотворенные моими наставлениями, я вдруг подумал: «Вот шлюхи!» Но тут же одернул себя: к чему вульгарная грубость, если эти создания придуманы мною самим?

Утро я начал в приподнятом расположении духа: из памяти еще не истерлось ликование, охватывавшее дом Владыки с возвращением каждого из гонцов. Они все как один сообщили о благополучии монастырей, а также передали искренние соболезнования настоятелей в связи со случившимся. Некоторые особенно оплакивали своего собрата Михаила – им не раз приходилось обращаться к нему за советом в делах, требующих особой рассудительности. Глава монастыря Третьего испытания был примером для многих, и тем более шокирующей представлялась безвременная кончина этого мудрого весельчака. Гонцы привлекали все свое актерское мастерство, но гримаса скорби, искажавшая их морды, не могла затмить облегчения, посещавшего нас, когда изнурительные дурные предчувствия вновь оказывались неоправданными.

Сны нередко задавали тон моему грядущему дню, и сегодня я намеревался сбересть хорошее настроение как можно дольше. Способствовала этому и ночная смена: спешить было некуда, я отлично выспался, провалявшись в постели аж до полвторого, а впереди меня ожидали часы приятного одиночества. Раскрыв глаза и ритуально глянув на свою бледно-розовую вполне человеческую ладонь, я дотянулся до телефона и, прочитав давно набившее оскомину пожелание доброго утра от Лены, попытался снова заснуть. Она присылала подобное сообще-

ние ежедневно – если не считать периоды ссор между нами, – и по первому времени это было довольно забавно и даже приятно; но в дальнейшем фантазия Лены иссякла, чего никак нельзя было сказать об энтузиазме. Я привык не отвечать ей подолгу, хотя не ответить вовсе тоже было бы неправильно: во-первых, меня мучила совесть, отчаянно убеждавшая в наилучших намерениях девушки, а во-вторых, такое поведение было чревато унылыми последствиями. Обиды на недостаточное проявление внимания были столь характерны для Лены, что уже первые месяцы нашего общения выработали во мне стойкий иммунитет, и я приучился делать вид, что ничего не замечаю.

Мои сомкнутые веки не были помехой для тусклого света, пронзавшего белоснежный тюль на окнах. Он будто вынуждал меня признать, что настало время окончательно прийти в себя, и в какой-то момент я сдался – резким движением сбросил с себя добротное пуховое одеяло и опустил ноги на пол. Дома, разумеется, никого не было, и я в душе поблагодарил родителей за то, что они догадались отвести брата в детский сад вместо того, чтобы понадеяться на мою опеку. Ткнув пальцем в огромную прямоугольную кнопку на системном блоке компьютера, я отправился в ванную, намереваясь успеть почистить зубы прежде, чем закончится загрузка.

Я точно знал, чем займусь в ожидании нынешнего трудового вечера, – эта идея пришла мне в голову еще накануне и не покидала моих мыслей, вселяя необъяснимо сладкое предвкушение, будто от ожидания награды, за которую я долго и тяжело боролся. Закончив умываться, я вернулся в комнату и, плюхнувшись в полуразвалившееся компьютерное кресло, подтянул к себе мышь и клавиатуру. По запросу «принц каспиан скачать» нашлось более ста тысяч результатов, и, немного полистав предложенные поисковиком ссылки, – что примечательно, большей частью это были ссылки именно на книгу, а не на фильм, который мне уже приходилось видеть, – я нашел ту, которая всецело меня устраивала.

Когда на мониторе уже красовался стройный ряд букв, начинавших произведение, я вдруг осознал, что так и оставил сообщение Лены без ответа, и поспешил исправить это положение. «Добрый день, я только проснулся. Как ты?» Убедившись, что сообщение отправлено успешно, я отложил телефон и предался чтению, но не успел дойти и до второй страницы, как предательская трель возвестила о том, что Лена по своему обыкновению не была особенно занята. Ее послание гласило: «Последняя пара, потом все. Придешь за мной? Погуляем».

Я был готов смириться с печальной необходимостью строчить сообщения через каждую минуту, хотя это отвлекало и выкрадывало уйму времени, но перспектива отказаться от чтения ради сомнительного променада казалась вопиюще безраздужной. Нет, я определенно не собирался покидать свое кресло до самого вечера – но об этом следовало заявить с известной долей осторожности.

– Прости, я сегодня должен отдохнуть перед работой, – написал я, рассчитывая не столько на понимание, сколько на сочувствие со стороны девушки.

– Хорошо. А хочешь, я приеду к тебе? – последовало почти тут же. Это было немногим лучше изначально предложенного варианта, но выкрутиться красиво уже не представлялось возможным.

– Не стоит, поздновато, мне скоро идти, – ответил я, понимая, что эта отговорка смотрится довольно нелепо, но ничего лучше просто не нашел.

– Ты не хочешь меня увидеть?

Я не хотел. Вне всяких сомнений – не хотел. Но какой могла бы быть реакция на подобное заявление? Я и сам был бы в ярости, скажи мне Лена нечто вроде этого... как-никак, мы должны были ценить общество друг друга.

– Мне просто надо полежать немножко, – уклонился я, заранее обдумывая дальнейшее развитие диалога. Надо было как-то перевести его в более благоприятное русло, иначе ближайшие дни грозили превратиться в непересыхающий поток жалоб и обвинений.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет, все в порядке. Слегка устал. Не переживай.

Некоторое время телефон молчал, и я даже начал думать, что все обошлось. Расслабившись и расположившись поудобнее, я вернулся к роману, но не успел им толком насладиться, как снова прозвучал назойливый сигнал.

«Иногда мне кажется, что ты меня совсем не любишь». Воображение живо нарисовало передо мною мученическое лицо девушки, свидетельствовавшее о подступавшей истерике. Теперь уже назад пути не было, и никакие мои увещевания не могли предотвратить бурю; роль же моя сводилась теперь исключительно к демонстрации небезразличного отношения к происходящему. Пара дюжин фраз, лучащихся теплом и сожалением, разрешила бы ситуацию, пусть в отместку я и узнал бы о себе много обличительного; даже не было нужды думать над ними: важно лишь не молчать...

Немного поколебавшись, я перевел аппарат в беззвучный режим, оттолкнул его на дальний край стола и теперь уже надолго погрузился в похождения детворы из семейства Пэвэнси.

Глава 4

Просторную залу, грубые бревенчатые стены которой покрывали связки чеснока и прочей иссохшей растительности, скудно освещала дюжина отеких восковых свечей; их пламя плясало будто бы в такт обосновавшемуся здесь музыкальному безумию. Трактир шумно праздновал, и я никак не мог разобрать, что именно: даже в те редкие моменты, когда всеобщий гогот сменялся относительной тишиной, никто не пытался произнести тост или иным образом коснуться цели попойки – вообще ничего однозначного не происходило. Царивший хаос поразительно контрастировал с откровенно спокойной ночью, проведенной мною в кафе наяву: несмотря на пятничный ажиотаж, клиенты вели себя умеренно; пили, конечно, подбаююще концу трудовой недели, но все ушли на своих двоих. Наше кафе выгодно отличалось тем, что никогда не обслуживало ни свадьбы, ни всяческие корпоративные мероприятия. Из колеи выбивали разве что футбольные матчи, трансляции которых выводились на подвесные экраны, в изобилии развешенные у потолка таким образом, чтобы от каждого столика наблюдались хотя бы два.

Забрел я сюда совершенно случайно: оставаться в доме Владыки было безыдейно, а переход до ближайшего поселка пробудил мой голод до такой степени, что я не решился идти дальше, предварительно не отобедав. Аппетит не испортила даже встретившая меня вакханалия – более того, соблазнительный вид лившегося рекой пива только раздул огонек желаний, зарождавшихся в моем чреве. Заказав изрядную порцию жаркого, я не стал стеснять себя сомнительными условностями, прихватил с полки сразу две деревянные кружки по литру каждая и зачерпнул ими из разных бочек, стоявших посреди заведения.

– Силен, монах! – восторженно прокричали у меня над ухом. – Давай-ка залпом!

Под развязное улюлюканье внезапно обратившей на меня внимание толпы я осушил одну из кружек, но этого оказалось мало: народ затребовал продолжения.

– Пей еще! Пей еще! – скандировали они, обступив меня плотным кольцом и раскачиваясь из стороны в сторону. Многие едва держались на ногах и не падали исключительно благодаря поддержке соседей, так что этот нестройный хоровод то и дело норовил превратиться в кучу-малу.

– Помилуйте, братцы! – шутливо воззвал я, но на потеху зрителю пригубил и из второй кружки. – А за что же мы пьем?

– Дак у нас волею Второго брата нынче школа открылась – вот и обмываем! – объяснил здоровенный детина, почесывая шершавой лапой округлое пятнистое брюхо.

– Детишки теперь учиться будут, – добавила молоденькая барышня, выглядывавшая из-за его плеча, и шаловливо захихикала. Вряд ли она находила в обсуждаемой теме что-то забавное, но требовать адекватного мировосприятия от ее одурманенного сознания было бы по меньшей мере нелепо.

– Пей, неужели струхнул? – громогласно напомнили мне, и я, не желая больше испытывать терпение толпы, опрокинул в себя еще один литр хмельной жидкости. Трактир заполнился победным возгласом, к которому присоединились и те, кто вообще не ведал о происходящем; я же, прорвав оцепление, направился к занятому ранее месту, намереваясь по пути набрать немного компота или хотя бы воды – спиртного уже не хотелось.

– Теперь ты мой герой! – услышал я себе вдогонку пьяный женский голос. – Не хочешь поразвлечься?

– Я хочу! – отозвался кто-то, и мне даже не пришлось оборачиваться.

Жаркое уже дожидалось меня в простом, но по-своему изящном глиняном горшочке, крышка которого была прикрыта недостаточно плотно, а оттого пропускала поднимавшийся от содержимого пар. Не желая обжечься, я столкнул ее узорчатой деревянной ложкой на выдав-

шую виды скатерть; крышка покатила по столу, но до края не добралась, остановившись в одном обороте от падения.

Аромат был выше всяких похвал. Жадно втянув в себя резкий букет крупно нарезанного картофеля, моркови и чистых, без единой жилки, кусков курицы, плавающих в наваристом бульоне, я ощутил, как сильно проголодался на самом деле – и насколько опьянел после выпитого натошак.

– Примите глубочайшие извинения, – прозвучало у меня над ухом. – Мне очень стыдно за сородичей.

На лавку рядом со мной опустился импозантный мужчина далеко не молодых лет, одетый в новенький, слегка франтоватый костюм из серой ткани. С определенным трудом переключив на него свои мутные мысли, полностью занятые предстоящим кушаньем, я пробурчал что-то вроде «Право же не стоит, пускай народ веселится». Мой ответ, судя по всему, не убедил мужчину; глядя, как я наконец зачерпываю добрую порцию жаркого, он с сожалением произнес:

– Манеры селян оставляют желать лучшего. Знаете, как говорят в этих краях? Сделал дело – выпей смело, а не сделал – тоже выпей. У них, видать, остроумия не хватило вторую строчку зарифмовать.

– Вы не очень-то лестно отзываетесь о своих земляках, – заметил я, отправляя в рот очередную картофелину. – Должно быть, они немало хлопот Вам приносят.

– Куда больше, чем Вы думаете, – мужчина печально улыбнулся. – Я старейшина, уже седьмой год пошел. Звать меня Осип.

– Очень приятно. Меня – Ярослав. Я так понимаю, Вы не празднуете – неужели пришли последить за порядком?

– Я... праздную. Для этого не нужно напиваться. В конце концов, мы говорим об открытии школы – это событие, казалось бы, связано с повышением культурного уровня, а не наоборот. Вы так не считаете?

– Разумеется, считаю. В перспективе наверняка к повышению и приведет. Многие ли из пирующих обучены грамоте?

– Да разве что каждый третий.

– Так и незачем сокрушаться. Тут уж каждому свое: кто книжки читает, а кто возлияниям придается. Я вот, например, постыдно совмещаю – последуете примеру?

Мой собеседник приготовился пылко возмутиться – однако замешкался ровно настолько, чтобы успеть передумать, и, махнув лапой в знак капитуляции, поднялся из-за стола, чтобы вскоре вернуться с двумя полными кружками, одна из которых предназначалась мне.

– Ваша взяла, – заявил Осип, усаживаясь напротив. – Давайте выпьем.

Как оно всегда и бывало в подобных ситуациях, сразу после захода Солнца мне стало казаться, что уже чрезвычайно поздно и пришла пора серьезно озаботиться местом для ночлега. Я не имел ни малейшего понятия, где в этих краях можно было остановиться, – да и вообще остро ли стоит эта проблема, – но, по счастью, глава села по-прежнему находился прямо передо мною, вполне открытый для диалога. Более того, уже несколько часов кряду он трещал без умолку, и эта словоохотливость, побужденная далеко не самой опасной дозой спиртного, начинала изрядно утомлять.

– И тут она мне говорит: «Ни в коем случае! Это и мой ребенок тоже!» Представляете? – разгоряченно излагал мой новый знакомый, активно жестикулируя и периодически прикладываясь к пиву, плещущемуся на доньшке стакана.

– Осип, – попытался остановить его я. – Нам надо обсудить один вопрос.

– Это точно! – неправдоподобно легко согласился он и, тут же забыв о моей реплике, продолжил: – «Мой ребенок тоже»... Как Вам это нравится? Можно подумать, я когда-то на него претендовал... Да ничего подобного!

Старейшина медленно и крайне спутанно рассказывал о своих похождениях на стороне, не стесняясь даже наиболее пикантных подробностей, имевшихся в изобилии. Его супруга, судя по всему, пребывала в счастливом неведении – что было крайне удивительно, учитывая, как легко достались мне откровения Осипа, которому, помимо всего прочего, даже не приходило в голову вести себя потише в присутствии прекрасно знавших его местных жителей. Последние, впрочем, заметно присмирели и даже постепенно начинали расходиться по домам, проявляя себя несравненно более сдержанно, нежели сам Осип, еще недавно обличавший их бескультурие.

– Послушайте меня, пожалуйста, – предпринял я очередную попытку обратить на себя внимание. – Время уже позднее, мне срочно нужен Ваш совет.

– Извините... – сдавленно пискнул старейшина, опять не заметив моего призыва, и, неожиданно вскочив из-за стола, стремительно затоптал в направлении выхода из трактира, по пути сшибая опустевшую посуду, не убранную за соседями. Залив себе в горло последние капли уже опротивевшего пива, я последовал за ним.

На улице было довольно темно, и редкие силуэты прохожих удавалось различить на фоне домов исключительно благодаря неярким отсветам далекого заката. Неуверенно держась за предательски болтающуюся ставню и пытаясь опереться на стену обветшалого здания трактира, Осип жадно глотал освеживший к вечеру воздух. Судя по всему, его страшно мучило, и оставалось только гадать, какого цвета была бы сейчас его шкура, не будь она изначально зеленой.

– Вам лучше отойти, – посоветовал я и, подхватив старейшину за локоть, помог ему добраться до закоулка, где нас никто не мог видеть. – Изрядно Вы перебрали, уважаемый.

Надо сказать, я и сам чувствовал себя далеко не лучшим образом: лапы стояли на земле вполне уверенно и твердо, но головокружение вкупе с иногда подступающей тошнотой делали мир вокруг меня маленьким и сложным. Выпил я, пожалуй, вдвое больше незадачливого собутельника, а потому мое состояние можно было расценивать как абсолютно приемлемое, тем более что свою меру я знал отлично: напиваться до потери сознания – как во сне, так и в реальности – мне приходилось неоднократно.

– Ярослав, – жалобно позвал Осип, казалось, уже недоумевая, где находится и что происходит. – Мне надо домой.

– Очень хорошо, – откликнулся я, прикидывая, как долго смогу тащить его на себе. – Где Вы живете?

Дорога оказалась не слишком близкой, тем более что передвигаться следовало окольными путями: я по-прежнему желал скрыть от общественности неподобающее состояние старейшины, заплетающиеся лапы которого непомерно усложняли эту задачу. Когда мы наконец ввалились в сени старомодного двухэтажного дома, я усадил свою ношу на первую попавшуюся лавку и, позволив себе расслабиться, скинул посох и походную сумку прямо на чистенький, без единой пылинки пол. Вышло довольно шумно, и, вероятно, заслышав эти звуки, внутри жилища кто-то зашевелился. Скоро хлипкая дверь, отделявшая нас от основных помещений, распахнулась, и в сени вбежал маленький лягушонок, одетый в короткие штанишки и плотный вязаный свитер.

– Папа! Папа! – восторженно заголосил он, набрасываясь на Осипа с объятиями.

Вслед за ребенком показалась и мама – стройная, неплохо сохранившаяся женщина, морда которой выражала если не вселенскую скорбь, то, по крайней мере, заботу обо всем, что только могло ее потребовать. Сразу оценив ситуацию, она бросила на мужа испепеляющий взгляд, полный не только осуждения, но и тревоги, после чего тут же переключилась на сына,

повелев ему вернуться в тепло. Лягушонок попытался возражать, но, услышав безапелляционное «Не спорь, Алеша, ты же болеешь», поспешил скрыться в глубине дома.

– Прошу прощения, – обратился я к раздосадованной женщине. – Боюсь, это моя вина: он не стал бы пить, если бы я его не соблазнил.

– Не говорите ерунды, – отмахнулась она. – С ним такое регулярно случается. Бросает пить по полдюжины раз за год – и ходит с таким видом, будто в одночасье стал национальным героем. А потом опять срывается.

– Вот как? – удивился я и воззрился на Осипа, который уже тихо похрапывал, постепенно сползая по стенке. Теперь его морализм, столь внезапно сменившийся охотой до выпивки, стал совершенно понятен: подобное самовнушение, добротнo приправленное самолюбованием, я не раз наблюдал в исполнении товарищей-музыкантов, публично бросавших курить.

– Вы только не подумайте чего дурного... Внутри-то он хороший, – вдруг начала суетливо оправдываться хозяйка дома, пытаясь растолкать мужа. – Ну выпивает иногда – с кем не бывает?

– Пожалуй, так, – согласился я, стыдливо припоминая недавние рассказы Осипа о его супружеских изменах.

Субботним вечером на репетицию собралась чисто мужская публика: Елена помогала родителям клеить обои, а потому пребывала дома; на ее месте в углу дивана развалился высокий, но немного инфантильный друг Лехи по прозвищу Грека. В руках он держал полтора-литровый баллон пива, по наполнению которого было ясно, что до конца действия живительного напитка никак не хватит.

– Два раза вспоминаем без вокала, потом пою, – объявил Андрей, отодвигая от себя микрофонную стойку.

– Вступаете на четыре удара или на два? – уточнил Леха.

– Давай пока на четыре.

Несмотря на это упрощение, сразу вступить не удалось: я перепутал первую же ноту, и, осознав ошибку, остановился. На второй раз запутался уже Андрей, но, видимо, понадеявшись, что этого никто не заметил, он продолжил играть, и мы дошли до самого припева, где я опять растерялся. Признав про себя, что почти наглухо забыл новую вещь со времен последней репетиции, я попросил:

– Андрей, покажи еще раз, как там должно быть.

– Когда ты уже начнешь дома упражняться? – накинулся на меня Леха, покручивая барабанные палочки между пальцами. – Вот я прихожу сюда и играю, когда вас нет. А тебе даже из комнаты выходить не надо.

– На самом деле, Слава, – поддержал его Андрей. – Сколько уже играем – у тебя никакого прогресса. Еще и вещи не учишь.

По большому счету, они были правы: за последний год оба невероятно подтянули техническую сторону своей игры, уделяя инструментам львиную долю свободного времени. Я же почти не вырос, по-прежнему глупо спотыкаясь на всяком нетривиальном пассаже и предпочитая самые незамысловатые партии, каковых упорно избегал в последнее время Андрей. И все же мне стало обидно, так что я в сердцах воскликнул:

– Ребят, ну что вы от меня хотите? Я сегодня в ночную смену выходил, вернулся – в постель, а как проснулся – сразу сюда.

– Ну сегодня-то – понятно, – продолжал нападки Андрей, устанавливая гитару в специальную стойку и разыскивая по карманам сигареты. – А вчера что тебе помешало?

– Вчера... вчера я книжку читал.

– Seriously? Ты же поди за всю жизнь и открывал-то две: букварь и зеленую.

Грека залился неприятным хохотом, напоминая лай напуганной сторожевой собаки, но, видимо, обнаружив, что его никто не собирается поддержать, резко успокоился и задумчиво присосался к бутылке.

– Я Клайва Льюиса читаю.

– Кто этот человек? – удивился Леха. – Кулинар? Пособие по приготовлению пиццы в домашних условиях?

– Мы не готовим пиццу, – прервал его я, не желая слышать дальнейших острот по поводу моей работы в кафе. – «Хроники Нарнии» – смотрел?

В этот момент Андрей наконец нашел свои сигареты – они лежали во внутреннем кармане куртки, которая неприметно висела на гвоздике, вбитом в шумоизоляцию, – и, будто бы специально пропуская назревающую перепалку мимо ушей, буднично предложил:

– Давайте покурим – все равно пока не играет.

Давно завязав с табачными изделиями, я все же иногда составлял компанию товарищам, стоя рядом с ними и стараясь не вдыхать едкие пряди дыма. Пропустив Греку вперед себя, я покинул гараж последним, в проходе успев поглядеть на экран телефона, все еще пребывавшего в беззвучном режиме. За недолгое время репетиции к имевшимся непрочитанным сообщениям добавилось аж три новых, первое из которых гласило: «Будь счастлив со своей Алиной. Я не буду вам мешать».

Выйдя под открытое небо после двух часов музыкальных экзерсисов, мы тут же засомневались, не будет ли правильнее вернуться: тучи грозно изливали накопившиеся в них эмоции, иногда обрушивая на нас негодующие восклицания грома. Когда все же было окончательно решено выдвигаться наперекор стихии, Андрей услужливо предложил подвезти меня до дома, чему я, разумеется, был очень рад: Леха и Грека жили в противоположной от меня стороне, а стоять на остановке под проливным дождем в полном одиночестве мне совсем не хотелось.

Выбравшись из старенького «Ниссана» и махнув рукой напоследок, я шустро добежал до подъезда, умудрившись при этом несколько не промокнуть, и, ловко набрав привычную комбинацию на пульте домофона, ворвался внутрь. С грохотом захлопнувшаяся за мной металлическая дверь привлекла внимание подростка школьного возраста, переминавшегося с ноги на ногу в ожидании лифта, и он, чуть-чуть помешкав – видимо, в нерешительной попытке оценить, следует ли считать меня взрослым и достойным уважения, – все же бросил мне свое «здрасьте». За пазухой у него сидел кот, столь же мокрый, как и сам парень, и я, посчитав себя третьим лишним, проследовал к лестнице, пролеты которой были усыпаны бычками и крышечками от пивных бутылок, а в одном месте даже стоял неработающий телевизор с ламповым кинескопом.

Уходя из дома много после полудня, я не посчитал необходимым взять с собой ключ от квартиры, а потому немедля надавил на кнопку дверного звонка. Из глубины послышалось робкое треньканье, скоро уступившее место гробовой тишине, изредка прерывавшейся отчаянными криками глуховатых соседей, обитавших этажом выше. Определенно, никто не спешил отворить передо мною дверь, и, еще немного понажимав на кнопку с тем же успехом, я решил позвонить родителям, которые в моем представлении никуда сегодня не собирались. После девяти гудков, когда положение дел уже начинало казаться мне устрашающим, из трубки прозвучал полусонный голос мамы:

– Да, Слава, я тебя слушаю.

– Привет. Вы не дома?

– Нет, мы в сад уехали.

- В такой ливень?
- А тут сухо. Ты еще гуляешь?
- Я уже вернулся и хочу попасть домой. У меня нет ключа.
- Ооой, – неопределенно протянула мама. – Мы только завтра к вечеру приедем.
- И что мне теперь делать?
- К бабушке поезжай. Не знаю, что еще тебе посоветовать.
- Ладно, сейчас подумаю, – обреченно выговорил я и, пожелав доброй ночи, попрощался.

Конечно, у меня и в мыслях не было отправиться в такой час к бабушке, поскольку это было чревато весьма нежелательными приключениями: с юношеских лет у меня сложились далеко не самые безоблачные отношения с населением тех краев, и если со шпаной я еще мог бы договориться, то встреча со старшим поколением наверняка не сулила ничего хорошего. Многие из них, будучи моими ровесниками, не понаслышке знали разницу между следственным изолятором и колонией-поселением, а некоторые особо непонятливые познали ее даже дважды. Про этот забавный район, куда дедушка привез свое семейство еще во времена царя Гороха, шутливо поговаривали, что половина местного народа сидит, а вторая – уже сидела. Печально, но это звучало не так уж и неправдоподобно.

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, я не нашел лучшего выхода, чем позвонить Андрею и спросить, далеко ли он успел от меня отъехать. Узнав о моей проблеме, он удивился:

- А чего же они тебя не предупредили?

Я понятия не имел, как ответить на этот вопрос: мне самому было крайне интересно.

– Сколько? – изумленно переспросил Андрей, плавно останавливая машину на перекрестке.

- Сорок три, – повторил я отчетливо. – Не считая тех, что были еще с вечера.

– С ума сойти! – он сокрушенно покачал головой, но глаза под сводом густых бровей едва заметно посмеивались.

– Это не рекорд. Помню, пару месяцев назад мы расстались – так она и по шестьдесят за день присылала.

- И не жалко денег... Что пишет хоть?

– А ты как думаешь? Все как обычно: сначала грязь выливали ушатами, объясняла, почему я плохой, а она хорошая. Потом заявила, что на сей раз мы разбегаемся окончательно и бесповоротно, ревность добавила.

- К кому?

– Да какая разница? – фыркнул я и указал Андрею на светофор, сменивший свой красный гнев на зеленую милость. Мы тронулись, и я, на мгновение залюбовавшись пустынными ночными улицами, продолжил: – Мне кажется, для ревности ей вообще не нужен объект. Это самодостаточная деятельность.

- И часто с ней такое?

– Нет, редко. Но иногда бывает. С тех пор, как у нас начала работать Алина, при необходимости ревнует к ней.

– Очень даже недурно, – усмехнулся Андрей, иногда заглядывавший в кафе то ли с похвальным желанием навестить меня, то ли, напротив, забавляя себя наблюдением товарища в «диких» условиях. – Прими ее слова за комплимент.

– Мне как-то все равно. Я никогда не давал повода для ревности – оправдываться тем более не собираюсь. Да Лена и сама себе не верит, я думаю.

- Уж наверное. Ты не переживай – успокоится через пару дней.

– Я не переживаю. Она уже просится назад.

– А ты?

– Нет, мне это не нужно. Я больше не хочу.

– Охладел? Устал?

– Просто не хочу. Не могу. Мне кажется, у меня теперь немного другие интересы.

– Вот как? Решил вплотную заняться чтением?

– Да не в этом дело... Но раз уж ты об этом вспомнил – у тебя нет «Принца Каспиана» в бумажном варианте?

– Есть. Могу тебе даже подарить – все равно сам уже не стану перечитывать.

– А как тебе вообще? Интересно?

– Да так себе, по правде говоря. Если надо, порекомендую что-нибудь получше.

– Нет, я все-таки эту хочу.

За окнами уже хозяйничала густая полновесная ночь, и ее непроглядность нарушали лишь фонари, которые, выхватывая из города отдельные крохотные сцены, окрашивали их в неестественные, но удивительно приятные оттенки желтого. Эти отдельные натюрморты под ровными колпаками света казались декорациями к старому голливудскому фильму – милыми и почти игрушечными, – и каждая скамейка будто бы находилась в ожидании, когда двое влюбленных, случайно проходя мимо, заметят ее и расположатся наблюдать по-осеннему неяркое, затянутое рваными облаками небо. Одна из таких одиноко стоящих скамеек ждала бы сегодня и меня, если бы Андрей не проявил чуткости. Его родители, в отличие от моих, ночевали дома, поэтому он не мог пустить меня к себе, однако легко согласился провести со мной пару часов в машине, где было все же не так холодно, как на улице. Разговоры крутились преимущественно вокруг моего разрыва с Леной – эта тема почему-то особенно занимала Андрея, – хотя зачастую мы переключались и на его собственные отношения, которые не в меньшей степени изобиловали червоточинами – от самых пустяковых до довольно-таки скверных.

– Ты знаешь, чего я никак не могу понять? – жаловался он. – Каждый раз, когда я заезжаю за Еленой перед репетицией, мне приходится ждать ее минут двадцать. Неужели она не понимает, что ставит меня в неудобное положение перед вами?

– Я помню, поначалу вы регулярно опаздывали, – подтвердил я, застегивая тугую молнию на куртке: не желая попусту расходовать топливо, Андрей заглушил двигатель, и салон машины начал заполняться неумолимой прохладой. – Потом как-то приноровились?

– Если это можно так назвать. Приезжаю за ней на полчаса раньше – вот и весь секрет. А по факту ничего не изменилось: говорит «уже иду» – и исчезает в неизвестном направлении. Ну почему нельзя начать собираться заблаговременно?

– Видимо, мешает тонкая чувственная натура. Я вот тоже всегда предупреждаю Лену, когда выхожу с работы и направляюсь к ней. Она спрашивает, что мне приготовить, хотя это глупый вопрос: в итоге все равно будут пельмени. Потом я минут десять иду до остановки, еду полчаса при хорошем раскладе – всего минут сорок получается... хотя нет, даже больше. И вот я прихожу – а ничего не готово. Уже при мне набирает воду, ставит кастрюлю на огонь. И так постоянно – сижу и жду с голодными глазами. А, казалось бы, что мешало начать пораньше? Ерунда, конечно, – но так приятно было бы почувствовать, что о тебе подумали, позаботились...

– Это точно. Вот из таких мелочей все и складывается.

Подобных рассуждений хватило на полночи, и увлеченность Андрея уступила вполне закономерной усталости только к четырем часам, когда он стал тонко намекать на свое намерение откланяться. Не имея наглости возражать, я проводил его до дверей квартиры, принял в дар обещанную книгу и, пожелав Андрею добрых снов, расположился в подъезде под лампочкой, где и предавался чтению до самого рассвета. Начало рабочего дня было уже близко, и, коротая остаток времени за весьма отчаянным пешим переходом, я мечтал лишь о замечатель-

ном миге воссоединения со своей теплой постелью, ласка которой так незатейливо ускользнула от меня этой ночью.

Глава 5

– Блистательного утра, мой друг! Очень рад нашей новой встрече.

Мои тяжелые веки будто слиплись, но колоссальным усилием воли я смог разъединить их, заставив себя поморгать: в услышанном пожелании мне почудилось что-то зловещее, напрочь отбившее охоту понежиться еще немного. Несомненно, я знал этот сильный, слегка лукавый голос, но вялый разум отказывался опознавать его владельца, предпринимая судорожные попытки восстановить события, приведшие меня на малознакомую душную мансарду. Постепенно в памяти начали проявляться смутные воспоминания о гостеприимстве супруги Осипа, дозволившей мне – страннику с непонятными намерениями – остаться на ночь в доме старейшины, хотя многие на ее месте предпочли бы выгнать меня взащей. Все было именно так – но кто же тогда сидел в потертом кресле у изголовья моей кровати, терпеливо ожидая, когда ко мне вернется обычная бодрость?

Должно быть, в миг осознания справедливости своих нехороших предчувствий я резко дернулся, и прежде милостивое похмелье в полную силу заявило о себе неистовым перестуком в висках, начисто затмившим ощущение угрозы.

– Я вижу, Вы не очень хорошо себя чувствуете, – изрек неожиданный визитер, приподнимаясь в кресле, чтобы поправить измявшиеся одеяния.

Это был мой новоиспеченный недруг – таинственный незнакомец, оборвавший жизни всех, кого я ценил и на кого мог бы положиться в часы невзгод. Он обещал найти меня – и без труда нашел, когда посчитал это необходимым; я же по-прежнему не знал о нем решительно ничего, разве что знаки на его запястье уже не казались такими волнующими.

– Зачем Вы явились в этот дом? – пробормотал я, силясь побороть нахлынувшую головную боль. – И как проникли сюда незамеченным?

– Боюсь, в этом не было нужды, – ответил убийца, пожимая плечами. – Все становится гораздо проще, когда отказываешь себе в опасениях, – Вам ли не знать?

Ну разумеется... Он даже не удосужился укрыть от обитателей свое присутствие – значительно проще было избавиться от каждого из них. Это простое соображение укололо меня похлеще булатной стали: возможно, и Осип, и его заботливая жена, и даже их очаровательный малыш, намедни страдавший от простудной хвори, были уже мертвы. Неужели случилось непоправимое, и я принес в эту многострадальную семью намного больше горя, чем мог бы искупить своими сожалениями?

Внезапно на первом этаже кто-то завозился, заставив меня усомниться в упаднических выводах.

– Они живы, – с облегчением выдохнул я.

– Конечно, живы, – подтвердил сектант, и его зеленые губы расплылись в самодовольной улыбке. – К чему нам невинные жертвы? Я представился Вашим другом, и меня впустили без лишних расспросов.

– И тем не менее Вы не преминули забрать жизни не только монахов, но и антиповского мельника.

– Ваше возмущение уместно, Ярослав, – но поверьте, однажды Вы поймете, что этого было не избежать.

– Искренне сомневаюсь, – осуждающе проговорил я и, не выпуская собеседника из поля зрения, встал и начал одеваться.

– Правильное решение, – тут же заметил он. – Я уже начинал беспокоиться, что Вам по душе лежать передо мною в неглиже. А тем временем нас ожидают великие дела – стоило бы поспешить.

– Я не стану Вам помогать. Во-первых, Ваша ересь крайне неубедительна, а во-вторых...

– Что? Желаете в очередной раз напомнить об убийствах, лежащих на моей совести? Я признаю свою ответственность – впрочем, в монастыре я был не один... Удивлены? Нас было четверо – самостоятельно я все же не справился бы.

– Даже четверым такое не должно быть под силу. В чем Ваш секрет?

– А в чем Ваш? – он величаво повел подбородком, подчеркивая безыдейность подобных изысканий. – Тут уж каждому свое.

– Вы были солдатом, не так ли? В этом дело?

– Очень поспешное умозаключение. Полагаю, к нему Вас привела моя метка, которую Вы, между прочим, неправильно восприняли. Я не тень войны и в Капотине не воевал – уж извините за это разочарование, но мне тогда было года три. В таком возрасте в армию не берут.

– И откуда же Ваше, с позволения сказать, тавро?

– Это потрясающая история! В селе, где я рос, имелся заброшенный военный склад – известное дело, детвора обожала там копать. Однажды наткнулись на печать и решили на ком-нибудь ее испытать. Догадаетесь, кто вытянул жребий? Правильно, Ваш покорный слуга. Кстати, мое имя Дмитрий. Простите, что не представился раньше.

– Не могу сказать, что рад знакомству.

– Ах, оставьте уже свои обиды, Ярослав. Я прекрасно понимаю, какое мнение Вы обо мне составили: сумасшедший сектант, продвигающий свои безумные идеи через насилие. Да, я это понимаю – и не прошу, чтобы Вы стали таким же, как я.

– Тогда чего же Вы хотите?

– Лишь того, от чего Вы и сами уже не откажетесь: удовлетворите свое любопытство. Я уверен, те слова, что я произнес в ходе нашего предыдущего разговора, тронули Ваше сердце – и зародили в нем соответствующие сомнения.

В этот момент я более всего на свете хотел бы сказать, что он не прав, а мои блуждания, начавшиеся в тот роковой день, были направлены единственно на борьбу с необозначенным до конца супостатом... Что ж, это было бы гнусной ложью – и мой растерянный вид пойманного за руку карманника прокричал об этом Дмитрию так, что это молчаливое признание уловил бы на его месте даже беспомощный лягушонок.

– Приятно, что я в Вас не ошибся, – заметил он, победно вскинув лапы.

Моя маска вражды и неприязни была уже совершенно бесполезна и, смиренно признавая свое поражение, я спокойно произнес:

– Мне хотелось бы узнать, какие строки были исключены из текста о Трех испытаниях. И что немаловажно – кому это понадобилось?

– Вы найдете ответы на эти замечательные и, смею Вас похвалить, весьма уместные вопросы. Найдете – но, безусловно, не здесь. Езжайте в Ранск и разыщите книгу некоего Демида из рода Никифоровых. И не спешите покидать Центральную префектуру – там мы снова встретимся.

– Почему же нам не поехать вместе? – удивился я, вспоминая утомительный и откровенно неживописный путь до главного города конфедерации.

– Вы так жаждете провести два дня в повозке наедине со мной? – Дмитрий хитро улыбнулся; потом спохватился и, смешно поерзав, достал из-под полы матерчатый мешочек с перевязанными тесемками. – Путешествия нынче недешевы – тут хватит сполна, чтобы покрыть затраты.

– Мило с Вашей стороны, конечно, но я не бедствую.

– И все же возьмите. Не расценивайте этот жест как попытку купить Ваше доверие: будь оно так, я предложил бы гораздо больше.

После недолгих колебаний я протянул лапу ладонью вверх, и Дмитрий опустил в нее кошель, который и впрямь оказался не особенно тяжелым. В конце концов, это было лучше, чем истощать монастырскую казну: всякий добропорядочный гражданин и без того усмотрел

бы в моих действиях немало предосудительного, и я не желал давать и малейшего повода подозревать себя в расправе над сожителями с алчной целью овладения их скромными пожитками.

Неоднозначная харизма Дмитрия не прошла незамеченной для старейшины и его семьи: стоило им захлопнуть дверь за могучим сектантом, спешно откланявшимся под предлогом неотложных дел, как на меня посыпались вопросы самого разного содержания. От необходимости на ходу сочинять правдоподобные пояснения меня спасла жена Осипа, очень своевременно поступившаяся праздными интересами в пользу приглашения к уже накрытому столу, где и предполагалось продолжить беседу за плотным завтраком. Старейшина, видимо, опасавшийся утраты нити разговора, нехотя поплелся в гостиную, и маленький Алеша вприпрыжку побегал вслед за ним, чрезвычайно довольный тем, что папа в этот рабочий день остался дома, – по понятным причинам Осип решил пренебречь своими служебными обязанностями, сославшись на легкое недомогание.

– Папа, а мы сегодня поиграем в городки? – с надеждой спросил лягушонок, взбираясь на высокий детский стул, подогнанный специально под его рост.

– Поиграем, Алеша, поиграем, – неуверенно пообещал ему отец, не сдержав болезненной тени на слегка отекающей морде: очевидно, старейшина сомневался, что сможет удержаться от наметившегося запоя и провести этот день в кругу семьи.

– Право, Осип, Матушка вознегодует, если Вы не потешите чадо, – заметил я, уповая на прозрачность этого намека.

Не став пускаться в дешевые уверения, старейшина тяжело вздохнул в знак того, что принимает мое нравоучение, но и в этом движении по-прежнему ощущалась ложка дегтя, бескомпромиссно отодвигавшая благие намерения во мрак несбыточности. Видимо, спеша уйти от неприятной темы, он вернулся к будоражившим его вопросам, как бы невзначай поинтересовавшись:

– Так что же Ваш товарищ – тоже монах?

– В некотором роде – да. Церковный деятель – так будет точнее.

– Должно быть, в каком-то необычном сане?

– С чего Вы взяли?

– Священники нашего храма одеты иначе, да и Ваша ряса совсем другой расцветки.

– Так и есть. Он... узко специализирован. Этаким философ от религии, теолог.

– Стало быть, ученый, – многозначительно подытожил Осип. – Нельзя ли будет пригласить его в нашу новую школу для назидательной речи? Сельским недорослям было бы полезно.

Его затея вызвала у меня кислую ухмылку, удачно пришедшуюся на момент, когда я начал жевать вареную картофелину, щедро сдобренную слоем ядреного хрена. Дети узнали бы действительно много нового, но едва ли в этом поселке приветствовались революционные взгляды, оправдывающие даже смертоубийственное насилие, – как, впрочем, и везде. Озвучивать эти мысли я, разумеется, не стал, вместо этого ограничившись нейтральным пассажем, сводившимся к недоступности отбывшего в Центральную префектуру Дмитрия.

– А почему дядя такой большой? – неожиданно подал голос Алеша, видимо, решив, что наконец настал и его черед поучаствовать в обсуждении новой незаурядной персоны.

– Это потому, что он хорошо кушал в детстве, – незамедлительно ответила ему мать и погладила лягушонка по гладкой голове, усыпанной желтоватыми пятнышками.

Покидая дом старейшины, я особенно просил его заботиться о близких: несмотря на его распространенный недуг, а также на все те бесчестные похождения, в которых он давеча признался, я свято верил, что из двух сторон Осипа однажды останется только светлая. Как и я, он проживал две жизни разом, и отдать предпочтение одной из них означало казнить половину

самого себя – то, на что лишь у немногих достанет мужества. И все же на моей душе не было груза, когда я в последний раз помахал этому семейству лапой из окна величественного дилижанса, уносившего меня в далекий, навевавший множество ностальгических воспоминаний Ранск.

Почти двенадцати часов сна оказалось мало, чтобы развеять усталость от прошлой ночи, за которую я так и не сомкнул глаз. Я ощущал это с самого момента пробуждения: в ванной, на кухне, в насквозь прокуренном лифте меня шатало так, будто с приходом понедельника сама планета начала пульсировать вразнобой с ритмом моей жизни. Цепляясь мыслями за отсутствие репетиции, а вместе с ней – и вообще планов на вечер, я уже томно представлял себе возвращение домой, сулившее продолжение дефицитного отдыха.

Поддавшись моему напору, тяжелая подъездная дверь медленно отворилась и впустила в мои ноздри остатки свежести, напоминавшие о ночном дожде. С порога я увидел и почерневший от влаги асфальт – прекрасный нюанс в яркой гамме, присущей осенней поре; прилипшие к нему листья выглядели своеобразным гербарием, творимым самой природой на зависть редким школьникам, расторопно семенившим через двор.

– Привет, – услышал я, едва ступив на бугристую поверхность бетонного крыльца.

– Лена? Ты почему не на учебе? Опоздаешь!

Она стояла тут же, под козырьком – желая укрыться то ли от возможного ненастья, то ли от пугающей близости окон моей квартиры. Укутанная в черное драповое пальто, девушка напоминала крохотный манекен, выставленный на улицу каким-то модным бутиком в рекламных целях. Заложив руки в карманы и повернувшись на носочках, она вызывающе отчеканила:

– Решила прогулять. Поговорим?

– Пару минут, – согласился я. – Мне надо на работу.

– Почему ты не отвечаешь на мои сообщения?

– Не вижу в этом смысла.

– Ты хочешь меня за что-то наказать? Тогда просто скажи об этом, не надо молчать.

– Нет, не в этом дело... На этот раз мы не сойдемся.

Укол моих слов, казавшийся мне жестоким и болезненным, не произвел на Лену ни малейшего впечатления. Поджав губы, она покачалась на месте в непонятных раздумьях, после чего беззаботно уточнила:

– Ты уверен?

– Да.

– Больше не любишь меня?

– Не люблю.

– А можешь более убедительно это сказать?

– Я не люблю тебя. Достаточно?

– И как давно?

– Что именно?

– Как давно не любишь?

– Наверное, никогда и не любил. Мне кажется, все это изначально было ошибкой.

– Вот как?.. А зачем тогда говорил, что любишь?

– Я... верил себе в такие моменты. Я не врал – просто ошибался.

– Что если ты ошибаешься сейчас? А тогда был прав.

– Нет, сейчас я не ошибаюсь.

– Я не верю тебе.

– Это уж как хочешь.

– Значит, мы расстаемся навсегда?

– Да, навсегда.

– И вообще не будем видеться?

– Лучше не стоит.

– Понятно, – Лена говорила по-прежнему ровно, но в выражении ее лица уже читалось горькое напряжение. Я не хотел, чтобы она плакала, и в душе был очень рад, что девушка не спешит разразиться рыданиями.

– Я пойду? – произнес я, пожалуй, немного суровей, чем следовало.

– Иди, – согласилась она по возможности безразлично, но получилось не слишком искренне.

Прощально кивнув ей напоследок, я уверенно спустился с крыльца, намереваясь прибавить шагу – минутная стрелка часов уже заклинала не мешкать, – но тут Лена окликнула меня. В пару прыжков преодолев разделявшее нас расстояние, она вцепилась в мою руку и сумбурно затараторила, будто призывая меня спасти утопающего ребенка:

– Слава, давай не будем разбегаться. Я поняла, в чем не права, больше такого не повторится. Дурой же была, теперь все станет совсем по-другому.

Не зная, как правильно отреагировать на эту тираду, я ограничился жестким «нет», но Лена будто не слышала меня; она продолжала причитать, не ослабляя хватки, и я попытался высвободиться из ее цепких пальцев.

– Ну не верю я, что ты не любишь меня, все равно не верю. Я вот если сказала, что люблю, то это уже навсегда. Разве с тобой не так?

Все же вырвавшись после непродолжительной возни, я стремглав бросился вон со двора. Топот ног, слышавшийся позади, возвещал о том, что Лена силится догнать меня, но у нее, разумеется, не было шансов. Оказавшись на остановке, я запрыгнул в первый же автобус – и, как выяснилось, прогадал, так что добираться до работы пришлось с пересадкой. Отдышавшись, я достал телефон и прочел первое из трех сообщений, что Лена уже успела прислать: «Все равно я тебе не верю».

Мое утро замирало при каждом скрипе входной двери; я смущенно оборачивался на звук и как бы ненароком заглядывал в лица новых посетителей, но все они были незнакомы. Широченный карман моего фартука неудобно топорщился от непривычной ноши: будучи предназначенным для легоньких блокнотов, куда официанты заносили заказы клиентов, он большую часть времени вовсе пустовал; утром же я поместил туда подаренную Андреем книгу, где она и ждала своего звездного часа, ужасно мешая при ходьбе.

– Слава, не выспался? – сострадательно шепнула мне Алина в редкую минуту перемирия с клиентами, предававшимися чревоугодию настолько бесновато, будто они намеревались отъестся впрок на всю грядущую неделю.

– Только не намекай на бурную ночь, – незатейливо отшутился я. – Меня и так уже к тебе ревнуют.

Уже в который раз ошеломив меня своей улыбкой, прекрасно заменявшей ответы на любые, даже самые каверзные заявления, Алина бросилась к молодой паре, занимавшей столик у дальней стены. Парень выжидающе крутил головой, намекая, что с выбором блюд они уже определились, в то время как его спутница, обладавшая классической внешностью «страшной подружки», внимательно следила за тем, чтобы взгляд его не останавливался на симпатичной официантке слишком надолго.

Я чуть не пропустил очередной скрип, за которым последовало характерное клацанье закрываемого зонта. Страхивая с него оставшиеся капли, в зал кафе проследовал рослый,

немного полноватый мужчина лет тридцати, сразу показавшийся мне излишне высокомерным. Впечатление это усугублялось шествующей за ним троицей, своими суетливыми движениями напоминавшей свиту, покорно спешащую за королем. Среди них был еще один мужчина, столь же высокий, но гораздо более складный, а также две женщины – стройная, будто бы изможденная суровой реальностью бизнес-леди, с трудом сохранявшая признаки былой молодости, и знакомая мне бледная дамочка, появления которой я, собственно, и ждал. Вся эта процессия добрела до середины зала, где и застыла наподобие странной групповой скульптуры, прославлявшей офисный планктон.

Обескураженный тем обстоятельством, что сегодня моя клиентка пришла не одна, а в такой странной компании, я чуть не совершил ужасную ошибку, замешкавшись у барной стойки. Осматривая заведение в поисках незанятого столика на четверых, они запросто предпочли бы какой-то из тех, за которыми хозяйничали другие официанты, и все мои мучения с ежеминутно напоминавшей о себе книгой утратили бы смысл. Сообразив, что пора действовать, я подскочил к мужчине, вызвавшему во мне неприятие, и заискивающе произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.